

Антология усольской поэзии

Антология усольской поэзии

АНТОЛОГИЯ
УСОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Усолье-Сибирское
2015

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус)7
А 34

А 34 Антология усольской поэзии. — Усолье-Сибирское,
2015. — 212 с.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус)7

© Усолье-Сибирское, 2015

От составителя

2015 год в России объявлен Годом русской литературы. Издание этой книги – всего лишь малая лепта, способствующая развитию и сохранению самобытности русского языка и национальной культуры. В антологии усольской поэзии собраны произведения, созданные во второй половине XX и в начале XXI века.

Стихи усольских поэтов способны поведать внимательному читателю о том, каким был наш город в начале 60-х годов, когда активно строились дома и озеленялись улицы. С подкупающей простотой рисует Юрий Аксаментов лирические картины того времени, не тускнеющие с годами:

*Не миновать вам этих улиц,
Не отвести от них лица –
Смотреть, как намертво схлестнулись
Два мира, словно два борца.*

Вторит ему Владимир Горчаков, воссоздающий отточенной строкой быт и трудовые будни того времени. Исповедальная лирика Германа Боброва мастерски раскрывает жизнь нашей страны в исторических срезах первой и второй половины XX века. Памятны добротные строки Василия Козлова про «Старый город»:

*В каменном полукольце,
Устаревший до смешного,
На бревенчатом лице
Сохранил черты былого.*

И, конечно, читателя не оставят равнодушным стихи о Великой Отечественной войне, написанные фронтовиком Николаем Горбуновым:

*Уже бушуют две недели
Сраженья в небе, как в котле.
И в жаркой огненной метели
Бои грохочут на земле.*

Привлекает внимание цикл стихов о войне известного краеведа Евгения Тихонова:

*День и ночь вдоль нашего перрона,
Высекая искры под собой,
Эшелон спешил за эшеленом
С техникой для фронта боевой.*

Следует выделить пронизанные любовью к родному краю стихи Виктории Савиной «Мальвы на усольской улице» и «Как пахнет воздух травами родными...».

Свежим, самобытным взглядом на мир интересны строфы Руслана Кузнецова:

*Этот храм Николая-Угодника
На байкальском нашёл берегу.
Тело Родины – малая родинка;
Чудотворец по пояс в снегу...*

Экспрессивные стихи Марины Шамсутдиновой не могут не вызвать эмоциональный отклик у любителей поэзии, будь это торжественные строки «Кровью белых берёз перелески залиты зимою...» или горькие – «Сонет».

Антология усольской поэзии включает произведения 39 авторов, живших или живущих в городе Усолье-Сибирское в XX и начале XXI века. Мы надеемся, что читателей увлечёт пейзажная, любовная, философская лирика, а в год юбилейной даты со дня Победы как никогда актуальны стихи, посвящённые Великой Отечественной Войне.

С Народным фронтом для России

Отрадно осознавать, что наша родная земля богата талантами. И книга с творчеством усольчан является тому подтверждением. Не случайно в нашей стране 2015 год объявлен Годом литературы. В это непростое время как никогда важно объединить людей для решения давно наболевших проблем. Литература, и литературное слово в частности, является одним из ключевых элементов, помогающих объединить людей.

Сфера литературы всегда была одним из важных рычагов влияния на нравственное состояние общества, способствовала росту его культурного и духовного потенциала. Творческие люди приносили в социум новые идеи, которые определяли направление развития всех областей жизнеустройства общества. Произведения, обладающие высокой художественной ценностью, определяли вектор развития целой нации.

В Великую Отечественную войну стихи Константина Симонова, Алексея Суркова, Александра Твардовского вдохновляли на боевые подвиги на фронте и трудовые свершения в тылу. Слово, звучащее из уст Левитана, поднимало боевой дух народа и укрепляло веру в победу. Последних вестей с фронта всегда ждали с надеждой и верой в лучшее. Как праздника солдаты передовой ждали поступления свежей корреспонденции с исцеляющим словом, несущим заряд мужества в минуты отдохновения. Строки стихов из газет переписывались, хранились как реликвии и перечитывались в трудную минуту. И сейчас, когда фашизм вновь поднимает голову в странах ближнего зарубежья, пришла пора для консолидации всех конструктивных сил современного общества, чтобы противостоять нарастающему влиянию коричневой чумы.

Вместе мы сможем сохранить для детей и внуков нашу страну, наш богатый природными ресурсами сибирский край. Наш народ обладает достаточными духовными и материальными ресурсами для того, чтобы выработать эффективную стратегию справедливого жизнеустройства с последующим её обнародованием и утверждением в парламенте. Как показывает опыт, ни одна политическая партия этого сделать не в состоянии, поэтому как никогда своевременно появление Общероссийского Народного фронта.

Инициатором создания Народного фронта является Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Общероссийское общественное движение «Народный фронт «За Россию» – это общественное объединение, созданное по инициативе граждан для того, чтобы улучшить жизнь всех слоёв населения.

Люди, питающие любовь к своему Отечеству и готовые эффективно трудиться для укрепления могущества нашего государства, всегда могут найти между собой общий язык, невзирая на разницу в социальном положении, возрасте, политических взглядах, вероисповедании.

Создание Народного фронта даёт каждому человеку дополнительную возможность напрямую участвовать в выработке важнейших государственных решений, чтобы эффективно работали социальные лифты, чтобы каждый, у кого есть потенциал, творческая созидательная энергия и стремление работать для России, мог проявить себя.

В Манифесте Народного фронта изложена президентская программа. В ней говорится о сбережении народа, о необходимости индустриализации, ведущей к конкурентоспособной экономике и созданию новых, высокопроизводительных рабочих мест, об общем стремлении возродить Россию и вернуть ей лидерство в мировой науке и образовании. Если же у человека есть конкретные предложения – он всегда будет услышан на площадке Народного фронта.

Сейчас как никогда важно разбудить творческую созидательную энергию для позитивных преобразований в стране. Искусство живого слова, помогающее увидеть и рассмотреть все грани нашего бытия, заставляет взглянуть на мир по-новому и пробудить эту энергию.

Жизнь людей наполнена каждодневными трудами и заботами. И в этой круговерти важно не растерять способности радоваться жизни, замечать красоту каждого мгновения, не упустить главного ради второстепенного. Этому нас учит литературное наследие, подаренное нам нашими земляками.

Сергей Батукаев

Николай Аборнев

Николай Петрович Аборнев (1953-2008) родился в городе Усолье-Сибирское. Работал егерем в Усольском лесничестве. Публиковался в районных и областных газетах.

Первый снег

Привалило счастье куропатке –
Цветом, как её перо в ночи,
Опустился тихо снег в распадки,
Где дремали чутко сохачи.
А наутро, путь следами метя,
Как хвоя на лиственнице, жёлт,
Белую на белом не заметя,
Колонок по ельнику прошёл.

На покосе

Я влюблён в синеокую ночь,
И она мне дарует улыбку!
До зари с нею слушать не прочь
Мы июля зелёную скрипку.
На озябшем широком лугу
У костра, золотого сердечка,
Где берёза однажды в дугу
Изогнулась над быстрою речкой.
Где пугает туманный покой,
Ржанье буйной, весёлой погони.
Бесшабашною чьей-то рукой
Растреножены белые кони.
Где косцы в зыбке лёгкого сна
Обретают былинные силы.

Охраняет покой их сосна,
Оперевшись на косы и вилы.
Где в цветастую радость и сочье
Я устал толковать про ошибку.
Полюбил синеокою ночь,
И она мне дарует улыбку.

Предзимье

Всё свершается в сроки,
Вот и осень идёт...
Голубые протоки
Убегают под лёд.
Воздух чист и морозен.
И, под сопкой горя,
Отгрустившей берёзе
Ветки красит заря.
На озёрах гусиных –
Там, где месяц продрог,
Звездопадную синью
Утром иней прилёт.
Снежность вьюжная близко
Дышит стынью с полей.
Мечет ветер, как искры,
По кустам снегирей.

Лесные сумерки

Припал к берёзке месяц робко
И шепчет что-то ей, дрожа.
Заря стекает в речку с тропки,
Как кровь звериная с ножа.
В урнах леший колобродит,
Волчица в ернике снуёт,
И, словно ведьмы, хороводят
Кривые ели у болот.

Встречая ночь, сова вскружилась,
Как этих дебрей древний дух.
И даже кровь застыла в жилах –
Так бор надвинувшийся глух.
В сосновых чашах мхи белесы.
Глядит в озёра звёздно высь.
Есть у темнеющего леса
Своя таинственная жизнь.

Сторона валежная
В дрёме зимних грёз.
Горностаи снежные
На ветвях берёз.
Снежные куницы,
Много снежных лис.
Кухта белой птицей
С крон еловых – вниз.
Снегопад случится,
В лес придёшь – у ног
Новая страница
Снежная – без строк!

Лесной поэт

Глухарь токует, как пророчит,
Закинув голову, поёт.
Заворожить, как будто, хочет
Зари оранжевый полёт.

Лесной поэт – он тайну знает
В забвеньи канувших веков
И песню древности слагает
Под рокот синих родников.

Он к жизни полнится доверьем,
Он вдохновением объят.
Так пусть его тугие перья
Не тронет сумрачный заряд.

Избы

Избы, избы брошенных селений,
Сколько вас я на пути встречал!
У заплотов сломанной сирени
Ветер крылья рваные качал.
Без дверей, без окон, гниль да сырость,
Скрип усталых балок и стропил...
Кто тесал их, кто под ними вырос,
Молодые годы торопил?
Тишина забытого погоста,
Тишина печальная – окрест.
Очень, очень это всё непросто...
Где вы, дети этих синих мест?
Запахи берёзового луга,
Голубые всплески на реке...
И зовёт, зовёт весь день пичуга,
Все зовёт кого-то в тальнике.
Вот подкова ржавая, вот стремя...
Судеб и событий перехлест.
Новое стремительное время
Через эти сопки пронеслось.
Веет ветер тихий и весенний,
Бьются волны об речной причал.
Избы, избы брошенных селений,
Сколько вас я на пути встречал.

Юрий Аксаментов

Юрий Петрович Аксаментов родился в 1939 году в селе Петрово Жигаловского района Иркутской области. Умер в середине 1990-х годов, точная дата смерти неизвестна. В 1964 окончил историко-филологический факультет ИГУ. Работал в Хабаровском крае директором школы, редактором литературно-драматической редакции краевого радиовещания, редактором усольской газеты «Огни стройки», журналистом в газете «Ленинский путь». Публиковался в городских и областных газетах, в журналах «Дальний Восток», «Сибирь», «Байкал». Автор сборников стихов: «Рябиновая гроздь» (Иркутск, 1970), «Поединок» (Иркутск, 1974), «Встречь солнца» (Москва, 1975), «Добрый день, весёлый час» (Иркутск, 1987), «Дорога к дому» (Иркутск, 1993), «Добрый день, весёлый час» на немецком языке (Гамбург, 2000). Член Союза писателей СССР.

Блистал Иркутск над гладью Ангары
В сентябрьскую безлунную погоду.
Качала ночь стеклянные шары
И погружала в медленную воду.

На горб моста, звенящ и возбуждён,
Взбегал трамвай, спешащий к электричке.
В тылах предместий, с четырёх сторон,
Маячили прожекторные спички.

Не разобрать, с какого этажа,
Как будто сбросив летнюю усталость,
Торжественна, свободна и свежа,
Знакомая мелодия рождалась.

И было странно чувству моему
В привычном месте обновиться быстро.

И перед взором двуединым,
Как на экранном полотне,
Предстанет давний поединок
В уже забывшейся войне...

Сошник врезается в дернину,
Летит щепа от топора,
И новгородскую былинку
Несёт к тунгусам Ангара.

Войну за соболя и белку,
Вражду купцов и мастеров,
Кулачный бой и перестрелку
Экран показывать готов.

И оттого, что так негладко
Текли былые времена,
Печать большого беспорядка
На вашем городе видна.

Но всё отчётливей граница.
Всё больше света на стекло,
И сердце старое роднится
С тем новым, что уже пришло.

Конь

Конь был норовистым и сытым,
И стать, и рысь – на знатока.
Когда он землю бил копытом –
Земля пружинила слегка.

Глаза с дичинкой, бег упругий,
Шёл иноходью – будто плыл...
А если ржал – по всей округе
Дрожали спины у кобыл.

Конь рос без привязи, на воле,
Не знал, как обжигает кнут,
Как не дает увидеть поля
На шее стянутый хомут.

Он по-лошажьи понял землю,
Как степь без края и конца,
Как запах овсяного стебля,
Как звон ночного бубенца...

Но как-то раз его поймали,
Взнуздали грубо, и с трудом
В вагон товарный затолкали,
И увезли... на ипподром.

Прошёл он выучку. Конюшня
Поусмирила жеребца.
Он стал барьеры брать послушно
И чтить жокея-молодца.

Конь скоро вышел в чемпионы,
Попал в газеты и кино...
Но есть жестокие законы
И непредвиденные «но».

Жокей однажды растерялся
И, крепко натянув узду,
Вперёд не вовремя подался,
И конь споткнулся на ходу...

О четырёх ногах, а тоже
Не повезло ему всерьёз.
Он жизнь, прихрамывая, дожил –
Как золотарь и водовоз.

Стуча разбитыми ногами
В брусчатку пыльных мостовых,
Понуро прядал он ушами
От невесёлых дум своих.

И лишь в ночное время суток
Коняге грезились порой
Страна овсов и незабудок
И жеребёнок молодой.

Монолог ивы

Я – рек хранительница, ива.
Я от рождения дружна
С водой. Я в ней отражена
И этой близостью счастлива.

Я под журчание реки
Про свет и воду маракую,
А людям кажется – тоскую.
Но мне – живой – не до тоски.

Ни ряби нет, ни ветерка,
И сквозь прозрачное движенье
В реке такое отраженье –
Вплоть до пушинки у листка.

И задурит погода вдруг –
В себя не потеряю веру:
Подставлю ствол дождю и ветру,
Смелее обниму подруг.

Так и стоять мне на юру,
Пока отмеривает строки
Поток, то сильный, то жестокий,
То присмиривший ввечеру...

Соединимся мы, двойник,-
Я до корней тебя заполню,
Когда разгневанные волны
Обрушат в воду материк.

И не запомню той поры,
Когда на отмели песчаной
Вдруг окажусь корягой странной,
Сухой, без листьев и коры.

Пусть только помнит человек,
Ночное пламя раздувая,
Что на костре его пылаю
Я, ива, жительница рек.

Усолье-Сибирское

Раскатаны жилища по бревну,
Разбиты чугуны и самовары,
Разрушены сараи и амбары –
Сметает новь былую старину.

На деревянный город, триста лет
Хранивший культ и запах древесины,
Могуче навалились исполины,
Бульдозерами вспахивая след.

Домишки поприжались к Ангаре,
Окошками туманными, неброскими
Вбирают сосняки на Красном Острове
И тропки на зареченской горе.

А там, где тракт Московский, где дворы
Очищены от стрех и перелазов,
Ревут моторы многотонных МАЗов
И ухают бессонные копры.

Панелевозы – танков посильней.
Монтажник машет чёрной рукавицей,
А выше всех – девчонка-крановщица:
Как на ладони город перед ней.

И не страшны ни осень, ни зима.
Где был строитель, знаю без подсказки.
Не так уж быстро, как в волшебной сказке,
Но вырастут хорошие дома.

Отступим от традиций, не всплакнём
Над деревянным дедовским жилищем.
Мы новые сравнения отыщем,
Переселясь в крупнопанельный дом.

Простят нам дерзость ветхие венцы,
Они свой срок исправно отслужили...
Нам так не жить, как наши деды жили,
Лишь были бы горды за нас отцы.

Четыре солнца

В речном, берёзовом краю,
Где никли беды и печали,
Шальную голову мою
Четыре солнца освещали.

Одно – когда пылал восток,
Плескаясь золотом в откосы
И изливая свой восторг
На высыхающие росы.

Другое – в полдень, в пыль и зной,
Когда над жёлтым морем хлеба
Несбыточной голубизной
Сияло вымытое небо.

А третье было ввечеру...
Оно усталою рукою
Сгоняло к западу жару...
И ржали кони за рекою.

Четвёртым солнцем месяц был.
Звения, как осторожный бубен,-
Негромкий праздник среди буден –
Он отдаленной песней плыл...

И посеючас, когда во тьме
Я вдруг останусь ненароком,-
От первых дней, как от истока,
Четыре солнца светят мне.

Рябина в кедровнике

По осени, когда сойдёт листва,
Прекрасней нет рябины придорожной –
Она одна багряна и жива
В открытости своей неосторожной.

Пусть неприметно, бедно ей цвелось –
Какие у рябины летом краски?
Теперь она налившуюся гроздь
Склоняет над дорогой без опаски.

Мне нравится рябины тонкий куст
И позднее её великолепье!
Когда приходит осень в лесостепье,
Как огненна печаль её и грусть!

Но есть другой – глухой и тёмный лес,
Где гонит кедр зелёную вершину
Едва ли не до самых до небес...
В таком лесу увидел я рябину.

Урюма, прямоствольна и черна,
С корой корявой, с мощными корнями,
Стояла вровень с кедрами она,
Пробив их крону тонкими ветвями.

И на одной из веток – гроздь – не гроздь.
А горсточка висела ягод красных...
И это было для меня как праздник,
Где я желанный, благодарный гость.

Я вмиг простил рябине черноту.
Безлиственность её, корявость эту.
Она горсть ягод выбросила к свету,
Пожертвовав красой за прямоту.

Привал окончен. Продолжая путь,
Займу я силы у лесной рябины...
Вот и кусты выходят в исполины,
Но не теряют ягодную суть.

В глуши сибирских плоскогорий

В глуши сибирских плоскогорий,
Под сенью северных небес,
Вкусив и радости и горя,
Я трижды умер и воскрес.

Мне стали ближе и роднее
Незнаменитые места,
Понятней – лес, река – слышнее,
И слаще – ягода с куста.

Я удивляюсь: сердце бьётся!
Смеюсь: резвится детвора.
Душе – по-новому поётся,
Давно пора, давно пора!

Ведь там, где вечность и забвенье,
Ей не нашлось и уголка...
Блистай, короткое мгновенье!
Попридержите ход, века!

Грех поэта

Меня корили, уличали,
Приписывали мне грехи:
Зазнайка, я об усольчанах
Гнушаюсь сочинять стихи.

– Ему бы речка, да рыбалка,
Да тихоструйная вода,
Сказать о людях слово жалко,
А о природе – никогда.

Оно, конечно, я согласен,
В стихах пейзажами грешу...
Но этот грех мой не опасен,
Его я с лёгкостью ношу.

Валентина Астапенко

Валентина Викторовна Астапенко родилась в 1950 году в селе Шестаково Нижнеилимского района Иркутской области. Училась на филологическом факультете ИГУ. Работала учителем русского языка и литературы, воспитателем детского сада. Публиковалась в городских газетах, журналах «Сибирь», «Первоцвет» и «Иркутский альманах». Автор сборника стихов для детей «Вот такие мы» и сборника «Подснежник» из серии «Бригада».

Кот

На скамейке у ворот
Греет лапы старый кот –
Ночью он ходил тайком
На охоту босиком.

Чуть задремлет – снитсямышь...
– Догоняй! Чего лежишь?
Со скамьи, как белый ком,
Кот на землю – кувырком.

Что случилось – не поймёт...
Жизнь кота – совсем не мёд.
Посидел он, позевал
И отправился в подвал.

Белым-бело. Последний снег.
Здесь только что гуляли птицы.
Красивый почерк – птичий след,
Такому можно подивиться.
А рядом старый воробей
Заворожён: читает книжку
Следов – влюблённых голубей.
Он любопытен. Даже слишком...

На катке

Ну и Вовка... Вот потеха:
Вверх ногами он идёт!
Люди падают от смеха.
Удивляется народ:

– Мировые выкрутасы!
– Это новый чемпион?
– Из какого мальчик класса?
– Из какого клуба он?

Признаётся честно Вовка:
– На ногах стоять неловко.
Разъезжаются коньки –
Прямо наперегонки...

Телефон зазвонил среди ночи.
– Говорите. Я слушаю вас!
Неприлично молчать, между прочим...
Вдруг знакомый послышался бас:
– До тебя все дороги размыло,
Мы чужие теперь навсегда.
Что же я в переулке унылом
То стою, то бреду в никуда?
Может быть, не ушло ещё лето?
Может, боль-то – одна на двоих?...
Может, встречу глаза твои где-то,
Дорогие – два солнца живых...
В тихом голосе – нежность и сила.
Сердце замерло, сжалось в комок.
И я, кажется, снова простила.
Только был ли средь ночи звонок?

Бой сорнякам

На грядку мокрец проник.
Полонил морковку вмиг.
Это что за новости,
Ни стыда, ни совести!
Это вам не пустяки...
Рвём с корнями сорняки,
Все, до самой малости,
Безо всякой жалости.
Враг повержен наконец –
В куче мусора мокрец.
Он теперь без сырости
Не посмеет вырасти.

Подснежник

Подснежник родился
В лесу на опушке,
Он синий-пресиний
До самой макушки!

Обласканный солнцем,
Вздыхнул, как ребёнок,
И вверх потянулся
Из белых пелёнок.

Сегодня смотрины
В старинном саду –
По-царски рябина
Застыла в пруду.
Багряные кисти –
Роскошный наряд.
Как жаль, что на листьях
Осенняя прядь...

Подарок

Люда уши прожужжала:
Черепашу ей подай!
– Если места мало стало,
Помещу её в сарай.

Всё вздыхала с сожалением –
Так хотелось, просто страх!
Подарили в день рожденья
Люде... восемь черепах!

Утром рано на прогулку –
Сразу восемь черепах!
И ползут по переулку –
Сразу восемь черепах!

Разбрелись они по травке –
Сразу восемь черепах!
Кто под куст, а кто в канавку –
Сразу восемь черепах!

Чуть не плачет наша Люда:
– Потеряла выходной...
Что я с ними делать буду?
Мне не справиться одной.

Вот ползут они из сада,
Грязные, неловкие...
Черепашье это стадо
Подарю-ка Вовке я!

Весна строчит стежки не по порядку:
То здесь, то там проклонется трава.
Строчу и я свои стихи в тетрадку,
Найти пытаюсь нужные слова.

То рифма не идёт, то ритм страдает,
То мысль опять в загоне, в тупике,
То, как дитя, душа моя рыдает,
А вроде, не обижена никем.

Надеюсь я исправить недостатки
И вновь наметить свежие штрихи...
О дай мне Бог растить на белой грядке
Душевные и мудрые стихи!

Ты казался таким любящим:
Нежных слов подарил россыпи
И о нашем мечтал будущем...
Ох, не верить тебе вовсе бы!

А проснулись сады вешние,
Прилетели скворцы стаями,
Ты сказал мне: «Прости грешного» –
И чужими опять стали мы.

Как забыть нежных слов россыпи
И не помнить глаза синие?!
Не расплачусь. Тряхну косами,
Распрощаюсь с твоим именем.

Разболелась донельзя душа.
Поднимусь завтра утречком рано
И пешочком пройду не спеша
Вновь до Свято-Никольского храма.
Чтоб набраться до самых краёв
Благодатной живительной силы,
Помолюсь за Усолье моё,
За родных, за себя, за Россию.

Поездка по Сибири

Гляжу из окна – очарованы очи:
Уже не зима, но ещё не весна.
Картина неяркая – графика. Впрочем,
Ведь в выборе красок природа вольна.
Линовано небо стволами деревьев,
Навстречу плывут хороводы берёз.
Они, словно в танце девчата в деревне,
Стройны и красивы. Завидно до слёз!
В таких же вот платьях в горах мы форсили.
Они раскупались девчонками влёт.
В Сибири богатой есть кладёзь текстиля,
Заглянешь – душа от восторга замрёт.

Занесёт меня мысли полёт
На окраину русской деревни...
Тёплый дождик землю польёт –
Всё вокруг оживёт в мире бренном.
Я пройду по меже босиком.
Ноги просятся сами: устали.
Вот и двери в родительский дом.
Приложусь благодарно устами
К дорогим материнским рукам,
По привычке спрошу: «Где отец-то?»
Брошусь в ноги своим старикам
И поплачусь в жилетку, как в детстве...

Николай Баженов

Николай Николаевич Баженов родился в 1962 году в селе Михайловка Читинской области. Окончил Читинский пединститут. Работал в школе учителем истории, физкультуры и ОБЖ. Публиковался в коллективных сборниках, городских и областных газетах, в журналах «Первоцвет», «Северомуйские огни», «Иркутский альманах».

Встреча с Иркутском

Старинным улочкам Иркутска
Я посвящаю свой рассказ.
Провинциальное искусство,
Как прежде, радует мой глаз.
Фасад, украшенный резьбой,
Ажуром выгнулся балкон,
И вот уже передо мною
Встают картины тех времён,
Когда играли вальс оркестры
И был желанным каждый бал,
А женских лиц овал прелестный
Художник местный рисовал.
Сирени белой ароматы
Спускались вниз по Ангаре.
И в праздник brave солдаты
Привычно строились в каре.
Пройдусь по улочкам Иркутска,
Наверное, ещё не раз...
И душу переполнят чувства,
И я продолжу свой рассказ
О том, как храмы зорко, строго
Оберегают наш покой.
Пусть городов красивых много,
Иркутск – единственный такой.

Родной уголок

Мимо окон старенького дома
С шумом пробегают поезда.
Сердцу это мило и знакомо:
Огороды, речка, лебеда.

Домом я теперь Сибирь считаю,
Городок над быстрой Ангарой,
Только никогда не забываю
Мой далёкий уголок родной.

Вновь купив билет на скорый поезд,
Уезжаю в милые места.
Мучаюсь, волнуясь, беспокоюсь –
Хоть, по сути, наша жизнь проста.

Мимо окон в дорогие дали
С шумом пробегают поезда.
Многое забудется с годами,
Место, где родился – никогда.

Деревня, русская деревня...
Идут века, спешат года...
Боюсь, «проглотят» непременно
Тебя большие города:
Твои старинные уклады,
Неповторимый хлебный дух,
Черёмух пёстрые наряды
И песни, что ласкают слух.
Теперь и древняя старушка
В мобильный тычет телефон,
Чтоб издалёка внучку слушать.
Прогресс! Но разве может он

Нам заменить покос и пашни
Родных и милых сердцу мест?
Я не зову вас в день вчерашний,
Хоть он укором память ест.
Она ещё нужна, деревня,
Как колыбелька, как причал,
Чтоб каждый помнил непременно:
Она – начало всех начал,
Она – основа трудовая
Всего, чем жили мы века.
Проблемы разные решая,
О ней забыли все пока.
Деревня город не догонит,
Да и зачем, куда спешить?
Не надо никакой погони...
Деревня просто хочет жить,
Храня старинные уклады,
Неповторимый хлебный дух,
Черёмух пёстрые наряды
И песни, что ласкают слух.
И пусть не каждый в это верит,
Но мы-то помнили всегда:
Из неприметных деревенок
Большие вышли города.

Я бесконечно повторяю имя
Той женщины, которая меня
Молитвами уберегла своими,
За прошлое нисколько не виня.

Сжимает время жёсткими тисками
Без жалости минуты и века.
И трепетно над белыми висками
Взлетает её нежная рука.

Дней суета меня не отпускает.
А где-то у заветного окна
Ждёт женщина меня – моя родная.
Так ждать умеет лишь она одна.

Моей деревне

Она теперь мне снится редко,
Покосом дальним у реки,
Где я в отцовской старой кепке
Сушил подмокшие валки.

Там вечерами – чем не праздник? –
Из кухни плыл душистый пар,
И мама к угощеньям разным
Подогревала самовар.

Так песни бередили души
Про Дон, сибирскую страну...
Я обмирал и сердцем слушал
Мою родную старину.

Перед иконой на погосте
С волненьем тихим помолюсь,
С годами стало мне непросто
Хранить накопленную грусть.

И пыльным улочкам, и тропкам,
Церквушке, что не сберегли,
Степям ковыльным, рыжим сопкам
Поклон мой низкий до земли.

Собравшись в дальнюю дорогу,
С родными крепко обнимусь.
Я не загадываю сроков,
Но обязательно вернусь!

Озябшие руки согреть нелегко,
Озябшие души – почти невозможно.
К ладони твоей прикоснусь осторожно:
Мы вроде бы рядом, но так далеко.

Холодные тени скользят по стеклу,
Морозная ночь за окошком метелится.
Мы рядом, и мне всё отчаянней верится:
Уступит ненастье дорогу теплу.

Бабье лето кончилось давно.
Хлябь дорог листвой укрыла осень.
Лунный свет пятнит верхушки сосен,
Падает на стол в моё окно.

Журавлей не услышать уже.
Вата облаков съедает звуки.
Дачные утихли перестуки.
Не видать туристов в неглиже.

Может быть, я от себя устал.
Бросить всё – и к «чёрту на кулички»,
Но туда последней электричкой
Я уже сегодня опоздал.

Опоздал, досадуя слегка
На совсем ненужную отсрочку.
Надо мне давно поставить точку
Там, где многоточие пока...

Герман Бобров

Герман Ильич Бобров (1931-2005). Жил в посёлке Тельма, работал егерем. Публиковался в городских и районных газетах. В Иркутске издана книга стихов «Кедровый посох» из серии «Бригада».

Глубинка

Год сорок первый... Кривотолки,
Трясина слухов тыловых.
Ещё убавилось в посёлке
Отцов у сверстников моих.
Война... И нет конца печалям.
И полосы нейтральной – нет!
Сосёт сухарь с морковным чаем
Эвакуированный дед.
Он спит в колхозной хомутарке,
Латает сбрую и чирки
За драгоценные подарки:
Картошку, горсточку муки...
Во всем – урез. Кругом – нехватки.
О, как не просто, боже мой,
Справлялись местные солдатки
С войной в глубинке тыловой!

В дорогу, брат, в дорогу!

Коль нету худа без добра –
Не сетуй на погоду.
Шаман-гора, Сапун-гора.
А нам в поход с тобой пора:
В дорогу, брат, в дорогу!
Зовётся остров Марьин Пуп,

Цветок – Иван-да-марья.
А где-то есть Весёлый Кут...
Бог весть, ещё как нарекут
Приметный камень или пруд
Седого Приангарья.

Кто видел эту красоту,
Кто по Китою на плоту
Стремниною спускался,
Кто сыт был мясом кабарги,
Тот в дебрях сумрачной тайги
Навеки заплутался.

Под шум дождей,
Под свист пурги
Он будет ей платить долги
До гроба добровольно.
Хозяин троп, озёр и рек,
Неприхотливый человек –
Владыка подневольный.

Довольно слов!
На льды гольцов,
На каменные плато
Я свой уют менять готов.
И это – тоже плата.

И пусть подъём
Скалист и крут,
И комары нещадно жрут,
И всё не слава богу...
Шаман-гора, Сапун-гора,
А нам – в поход с тобой пора:
В дорогу, брат, в дорогу!

Биликтуйка

Напористою струйкой
В дремотах лозняка
Речушка Биликтуйка
Течёт издалека.

Берёзки раздвигая,
Сверкая на песке,
Торопится, петляя,
Она к большой реке.

Речушку эту помню
И берегу в душе:
Болотистая пойма,
Разводья в камыше.

Убродные угодя
В дымке пороховом...
Какие вы сегодня
В забвеньи роковом?

...И уточек негусто,
И рябчиков – в обрез,
И на угорах пусто
На много вёрст окрест.

Лишь кочки стали выше,
Светлее сень лесов,
Да выдобрели мыши
На радость хищных сов.

Водной

В просветах крон течёт колонна,
Асфальта чешуя блестит.
И болт ослабший монотонно
И бесхозяйственно скрипит.

А здесь, под пологом нарядным
Ветвей, нависших над тропой,
Чужим недосыгаем взглядам,
Укрыт звериный водопой.

И слушают сторожко лоси,
Сойдя с насупленных вершин,
Как на ухабах стонут оси
Транзитных бешеных машин.

В лесу уже темно и сыро,
Над магистралью – пыль и свет,
И разделил два разных мира,
Как пограничный ров, кювет.

Осина

За что в опале ты поныне?
Не снят с тебя лихой навет...
Иуда лёгок на помине –
И нет тебе пощады, нет!

Легко, с предвзятостью преступной
Твой род пускали под топор:
Он, как проклятье, неотступный,
Облыжный предка приговор.

Я твой люблю, осина, лепет,
Печалью сдавленный язык...
Но отчего в холодный трепет
Приходит набожный мужик?..

И, осенясь на всякий случай,
Торопко мимо протрусит,
Как будто на суку скрипучем
Петля зловецая висит.

Когда нагонит морок осень,
С низовой тучи наплзут,
Жуют тебя скитальцы лоси
И зайцы-шкодники грызут.

Кропят густым багрянцем зори,
Ласкает в сумерках луна...
Но от опальной горькой доли
Ты жгучей горечью полна.

Иван

«Уж ты не подкачай, Иван!
Уж ты, Иван, нажми!
Сам понимаешь: срок и план,
И климат, чёрт возьми...
Дождёмся ливневых дождей –
Сорвётся темп страды...
Уж ты, Иван, не обнадей!
Иван, не подведи!».
И день, и ночь Иван радел –
Он подвести не мог:
И перекрыл, по ходу дел,
В два раза план и срок.
Немели руки и спина,
Глаза воспалены...
Поток ядреного зерна
Тёк в закрома страны.
Иначе не умел Иван –
Он цену хлебу знал
И, как в сраженьях ветеран,
На жатве «воевал».
И было так – ни год, ни два –
Везде, где жил Иван.
Уж поседела голова,
Сутул и грузен стан.

Представлен к ордену земляк,
Теперь Иван – герой!
В больших и малых деревнях –
Не первый, не второй...
Пойди-ка встречных расспроси –
Слагай о каждом стих.
Таких Иванов на Руси...
И Русь стоит на них!

Клад

В сплошной кустарниковой крепि,
Где тени тычутся в лицо,
Лишь разведи руками ветви –
И ты увидишь озеро!

К нему дороги не набито,
Ему не пишут громких од,
Оно ничем не знаменито:
Не тот размер, масштаб не тот.

В оправе ветел невысоких,
Играя радугой тайком,
Лежит жемчужина в осоке
За непролазным тальником.

Хранят с поры глухой и давней
Непроходимые кусты
Кусочек этой первозданной,
Неповторимой красоты!

Тебе я клада не открою,
Попробуй сам его открой:
За Иркутом, за Ангарою,
За синеокою Окой.

Поджарый

Ляжет клубком у забора,
Весь куржаком обростёт,
От лихоимца и вора
Двор до утра стережёт.

Видно, не вспомнил хозяин –
Ужин никто не принёс...
Влажными долго глазами
В сени заглядывал пёс.

Стужа к рассвету крепчает.
Служба дворняги – не мёд.
Кто же печаль распечалит,
Думу собачью поймёт?

Скоро удавят, пожалуй,
Скажут: «От старости глух».
Пожил довольно, поджарый,
Шкуру гони на треух.

Городок

Ночь...
Далёкие зарницы...
Сквер в росе продрог.
Где-то гонит колесницу
Сам Илья-пророк.
На реке скрежешет драга
Да хрипит гудок.
Спит, умаясь, бедолага,
Тихий городок.
Фонари его не броски,
Улицы – темны,
Тротуаров узких доски

Плохо скреплены.
Дорог он не по расчёту,
А по сердцу мил,
С ним я трудную работу
Столько лет делил.
Он в судьбе моей превратный
Светлый островок.
Дымный, маленький, заштатный,
Тихий городок!

Осень

Осень грибная.
Погода хорошая.
Просинь сквозная...
Тропинка заросшая.

Рыжики нынче –
Хоть черпай лопатой!
Край ты мой северный,
Край «тороватый»!

В поросли дружной
На вырубке старой
Грузно взлетит
Косачинная стая,

Шмыгнет мышонок
В сухую траву,
Эхо выводит
Кому-то: «А-у!»

Коршуны дремлют
На древних сушинах,
Тихая грусть
Затаилась в вершинах,

Светлая грусть
Наших мест, от какой
В сердце не боль,
А желанный покой.

Край мой берёзовый!
Край мой рябинный!
Думы сентябрьские –
Стон журавлиный...

В них, как внутри
Родниковой струи, –
Беды твои
И печали мои.

Лидия Волынец

Лидия Николаевна Волынец родилась в 1975 году в городе Усолье-Сибирское. Работала медсестрой в Усольском гвардейском кадетском корпусе. После окончания филфака ИГУ работает методистом ДК «Мир». Публиковалась в коллективных сборниках, городских и областных газетах, журналах: «Сибирь», «Первоцвет», «Белая радуга», «Берегиня – журнал для вас». Автор поэтического сборника «Театр теней».

Урок истории

История примеров много
Из глубины веков даёт,
Как люди, забывая Бога,
Теряли счастье и почёт.
Империй рушились границы,
Поправ дела минувших дней,
Когда движением десницы
Свергались троны королей.
А в суете успехов ложных
Легко споткнуться и упасть.
Летит игрок неосторожный
Порокам – в пасть.
Всё суета. И если пусто
В душе, и скучно вам сейчас,
Пойдём, дружок, сажать капусту
В счастливый час.

Чёрные птицы

Я видела смятенье чёрных птиц,
И взгляд затравленный,
и тяжесть оперенья.
Их воля – подчинение границ
Нижайшего вседозволенья.

Осенний блюз

Картошку выкопали мы!
В России выкопать картошку
Всего важнее. До зимы
Осталось нам совсем немножко.
Межу заброшенных полей
Накрыло слоем снежной каши.
И ждать недолго новостей,
Что замедляет жизни наши.
Летят с обрезков тополей
Остатки пожелтевших листьев.
Просвет печален меж ветвей
От серых зданий. Даже писем
Не нужно. Здесь природа пишет
И замедляет снежной пылью
Сюжеты на земле остывшей,
В легенды превращая были.

То, чего нет

Быть у истоков – странные дела!
Когда заря восходит бледнолица,
Песком с ладони в небе ночь струится...
Позёмка все тропинки замела.

Быть у истоков числам вопреки
И умножать беспечно ноль на вечность.
Воскресный вечер обещает встречу...
Над пропастью порхают мотыльки.

Свидание назначено на вторник,
Все явки засекречены в четверг.
Дожди прошли. Следы ведут за дверь...
И засыпает снегом рыхлым дворик.

Даже так

Даже если небо хмурится,
Тротуары запылённые,
Для меня открыта улица
Тополиная – зелёная.
В неизбывной бесконечности,
Освещающая путь всегда,
Жёлтым глазом безупречности
С неба подмигнёт звезда.

Гармония

Есть гармония на свете:
Там, в глуши лесов дремучих,
Свой оазис у планеты,
Не видны на небе тучи.
Домик маленький упрятан
Возле леса у реки,
У сторожки – поле мяты,
Незабудки, васильки...
Вьётся тропка от залива
В чужедальной стороне,
Там живёт лесная дива –
Этот сон приснился мне.
У лихих людей забава:
Меж собою враждовать.
Здесь покой, вольготно травам
Раны сердца врачевать.
Ключевой водицы сладость
Воскрешает счастья вкус.
Здесь простая жизни радость
Возвращает яркость чувств.

Горизонт

Светлой линией заката,
Тёмной линией пруда
Уходили мы когда-то,
И, казалось, навсегда.
Оболочка водных лилий –
Шелуха отживших дней.
Оторвались и уплыли
От никчёмности своей.
Даль по-прежнему открыта,
Свет не гаснет день-деньской.
Только неба лоскут шитый
Уплывает подо мной.

Тургеневское

Вешняя ласточка в небе глубоком
Занавес туч раздвигает порой.
Путник по полю бредёт одиноко,
Не успевая вернуться домой.

Трав аромат разливается тонко,
Воздух наполнил живительный ток.
Путь недалёк, но спустились потёмки.
Сбился с дороги, и вдруг – огонёк.

Дети табун выгоняют на травы:
Не потревожит полуденный зной.
Два костерка догорают на славу,
Звёздная ночь навевает покой.

Только охотнику что-то не спится,
Плавны беседы крестьянских ребят.
Главным трофеем явилась не птица –
Новым рассказом пополнился ряд.

Авось

Страшила держит небо
В берёзовых руках.
Хранит посевы хлеба
Гроза окрестных птах.

Не сонная обитель –
Бескрайние поля.
Страшила – ты спаситель,
А мы – твои друзья.

Свинцом налились тучи,
Страшила наш не рад.
Накроет неминуче!
Попортит форму град!

Ты не горюй, Страшила,
Удержим мы авось
Нависшую над миром
Грехов тугую гроздь.

Баркас

Не выставляя чувства напоказ,
Под музыку мелодии старинной
Несётся древний маленький баркас.
У берега обрыв зияет глиной.
В волнах сиянье, полная луна
Струится рябью в водах загаённо.
Спешит баркас. Подлунная страна
Своих гонцов отправила влюблённых
Повсюду. И гармония звучит,
Чтобы царила истина вовеки.
Луч чистоты, сияющий в ночи,
В юдоли не оставит человека.

Древо Мира

Мёртвое дерево в инее,
Листьев давно уже нет.
Чёрные, чёткие линии –
Льётся сквозь ветви свет.

Время такое выдалось:
Солнечный век грядёт.
Новое дерево вырастет,
Высохшее – умрёт.

Где вы?

Где вы теперь, седые корабли,
Что проплывали в детстве облаками?
А небо так же манит маяками,
Которые сбереж мы не смогли.
Мне повезло найти заветный край,
Где наше единенье не нарушат.
Нам лучше оказалось там, где суша,
И где никто не обещает рай.

Свет и тень

Падает с дерева, кружится лист
 неизбежный.
Осень золотая зашторила тучами солнце.
Лучик надежды с облака
 солнечным зайцем
Шустро прокрался.
 Тушью пастельною нежно
День расплескался, вычерпав краски
 до донца.
В сумраке леса свету непросто пробраться.

В городе дорого ценится
каждая сотка.
Хмарью затянуты улицы
сонного града.
Крутятся белками люди
в клетках высоток.
Суетный день из тревог и надежд соткан,
В железобетонных коробках
иного не надо.
Лист пожелтел. Зеленеют лишь
иглы у сосен.

Светлячки

Словно вечные светлячки,
Через время летим и пространство.
В категории постоянства
Световые сигналы легки.
Точки «финиш и старт» пока
Досягаемы для пилота...
Не опасна стрела в полёте
Для далёкого маяка.

Дороже

Конечно, истина дороже
Всего извечно, навсегда.
Гипотетически возможен
Любой сценарий иногда.
Но опыт говорит иное,
Судьба, увы, предreshена:
Не вырастет цветок алоэ
Из кукурузного зерна.

Анатолий Голубев

Анатолий Алексеевич Голубев родился в 1947 году в селе Голуметь Черемховского района. Получил специальность журналиста в ИГУ. Работал в газетах «Ленинский путь», «Трудовое Усолё». Публиковался в районных и городских газетах Иркутской области и Красноярского края, областных газетах «Советская молодёжь» и «Советская Хакасия», журнале «Сибирь». Автор сборников стихов «Близко к сердцу», «Река времени». Член Союза журналистов России.

Райская птица рядом, в соседнем саду,
Поёт, заливаясь, выводя рулады.
А в моём – даже намёка на какаду
Нет. И как будто бы так и надо.
Как же тебя залучить в мой заглохший сад,
Птица певчая, чей небесный голос
Душу, словно горло, берёт в захват,
По любви несвершившейся вызывая голод?..
Серебрится, трепещет зелёный свод
Сада чужого, в котором то ли
Соловей, то ли впрямь уж который год
Птица райская о нездешней воле
Всё поёт и поёт, в мою жизнь разлад
Привнося, не даваясь в руки...
Только кажется: не соседний сад
Раскрывается в пении, но словно над
Моей головой с неба выкладываются звуки.

Забывтая деревня

Здесь будто навсегда пустынно лето
И вечера беспмятно тихи,

И ошалевший от безлюдья ветер
Сметает пыль с дорог. И лопухи
Здесь царствуют с неукротимой силой.
И всюду – стародавняя печаль.
Зияет, как открытая могила,
Пустое небо – светлое, как сталь.

Обогрей меня, куст рябины,
Ветку жаркую наклона,
Так, чтоб нежность моя лавиной,
Массой, глыбою – из меня!
Чтобы был, как заря вполнеба,
Свет надежды в душе моей,
Чтобы мне не прельститься снегом
Стылым, тем, что седин белей.

Осень и впрямь как лето.
Тот же полдневный жар.
Залитый ярким светом,
День словно Божий дар.
Тянется паутиной
Время, как встарь, с утра,
Та же, вся в явь, картина
Видится со двора:
Щебет, как будто в споре
Птичьим согласья нет:
Все ль пред отлётом в сборе?
(Будто бы завтра снег).
Пчёлы над клумбой роем
Вьются почти с утра,
К речке выходят строем
Гуси. Томит жара.

Весело ли без меня
Вам поётся и живётся,
Ходится? Рассудку вняв,
Не кричу. Натянут, рвётся
Голос мой, чтоб среди других
И больнее, и бедовой
Не казаться – поутих...
По уши или по брови
Влюблены ли? Как дерзка
Речь моя была среди прочих,
Вы признайтесь, и близка,
И желанна Вам. А впрочем,
Это всё не в счёт, когда
Мы расстались. И распалась
Наша дружба. Но осталась
Память сердца – на года.

Это пришла зима.
Весь с отголоском детства
Двор наш. Сойти с ума
И никуда не деться:
Снова хоккей с мячом,
Клюшки, коньки. «Мазила! –
Слышится за плечом. –
Наша взяла, мы – сила!»
... Глеет в ночи фонарь.
Улица... квартал... место,
Где за окном, как встарь,
Белые строчки текста
Долгой зимы, черёд
Лунных ночей, их действо...
Режет коньками лёд
Наше с тобою детство.

Встаю проворно и легко
Безлюдной ранью.
Тропинка манит далеко,
Как на свиданье.
И, ослепительно стройны,
Чернеют ели,
Как будто просят тишины
Иль ждут метели.
И не поймёшь, где свет, где тьма,
Что ранни вести,
Когда задумчивость сама
Мне вместо песни.

Я вернусь в этот город через тысячу лет,
И никто меня здесь не узнает, покуда
Кто-то вдруг, оглянувшись,
Не посмотрит мне вслед
И не скажет, смутившись: «Оттуда
Нет возврата». На это отвечу я так:
«Там ещё не хватились пропажи.
Ведь по части обмана я тоже мастак:
Обманул я небесную стражу».
Знаю я, что накличу большую беду,
Буду изгнан из райского сада.
Только там я и жил и дышал, как в бреду,
Не найдя своей памяти сладу.
Был горяч мой порыв, как в золе уголёк,
Одолеть загражденья небесного края.
Я готов заплатить за земной уголок
Местом в райской тиши и изгнаньем из рая.

Музыка

Она души моей касалась
И не боялась утешать.
А мне-то, глупому, казалось,
Что будто нечем ей дышать.
То вдруг торжественней хорала
В мои вливалась берега,
То совесть правдою карала
И раздевала донага.

Эти поля и рощи
Стали бедней и проще,
Этот последний лист
Жёлт, словно старый лис.
День догорает... Негой
Летней жива ветла,
Вся в ожиданьи снега,
А перед ним – тепла.
В этой тоске старинной –
Музыка дня. Опять
Строчкою журавлиной
Неба прошита гладь.
Шелест листвы... Истома.
Сломанное крыльцо...
В окнах чужого дома
Чьё-то, как крик, лицо...

Николай Горбунов

Николай Иванович Горбунов (1915-1986) родился в деревне Неклюдовка Самарской области. Окончил Харьковское военно-медицинское училище. Участник Великой Отечественной Войны. Работал фельдшером в ГПТУ-11. Публиковался в городских газетах.

Курская битва

Уже бушуют две недели
Сраженья в небе, как в котле.
И в жаркой огненной метели
Бои грохочут на земле.
Здесь всё живое жгут и жарят,
Пылают танки и дома.
Кровавый ураган в разгаре,
Струится, полыхая, тьма.
Слились рассветы и закаты,
Вечерний сумрак, дня лучи.
Стоим на высоте горбатой
В тылу – село Молотычи.
И видно мне, как на ладони:
Там нас теснят, здесь наши бьют.
И гибнут люди, поле стонет,
И бомбы в клочья землю рвут.
И нас утюжит что есть мочи
В крестах стальное вороньё.
Стоим и танков стаю волчью
Сжигаем в пламени живьём.
Залито поле боя кровью,
Мы бьём, преследуя, врага.
Погибшим – стала изголовьем
Орловско-Курская дуга.

Тишина

Иду. Как в детстве – сердце бьётся нежно,
В моей груди привычной боли нет.
Уж ночь дырявым пологом небрежно
Покрыла мир, цедя холодный свет.

И в эту высь бездонную, без края,
Тарашу я с младенчества глаза.
И вижу – там звезда летит, сверкая,
Как со щеки упавшая слеза.

И, словно мать над хворым в колыбели,
Вселенная склонилась над землёй.
Уставшая, глаз искры потускнели,
Но всё не спит в ночи за синевою.

А я с мечтою под небесным кругом
Иду – и с ней всегда не скучно мне.
С ней стадо пас, болел, ходил за плугом,
Кипел в боях, грустил о тишине.

И вот она, как прежде, предо мною
Подруга дум – родная тишина.
И кто сейчас грозит ей войною,
Кому успела надоесть она?

И так иду я, о своём мечтая,
Весенний воздух мне ласкает грудь.
И стих звенит, как арфа золотая,
В душе опять высвечивая грусть.

Уже сползает ночь, как покрывало...
Померкли звёзды, чуть горит луна.
И всё вокруг виднее в мире стало,
Всё с песней пробуждается от сна.

В окопе

Свист пуль и мин над нами рой...
И дождь, и ветра вой унылый.
Окоп – наш дом, и он порой
В боях становится могилой.

Пока не бой, а просто так –
Пристрелка для грядущей схватки,
Но мы от дождевых атак
Трясёмся, словно в лихорадке.

Ни печки, ни избы вблизи
Той, что согреет и обсушит.
До нитки мокрые, в грязи,
Солдаты спиртом греют души.

Продрогший, выпил я и – что ж?..
Утихла дрожь назло погоде.
Окоп – по-прежнему не гош,
Но стало в нём теплее вроде.

Настанет день – мечта светла –
Прильнёт жена к солдату-мужу.
И будет в мире жизнь тепла
Без влаги, что нас грела в стужу.

Утро в прифронтовом лесу

Ах, как хочется жить,
 побывав в переделке.
Под бомбёжкой, обстрелом
 суровых атак!
...После схватки жестокой
 ночной перестрелки
Отдыхали друзья и
 безмолвствовал враг.

Огляделся. Глаза
 принуждает прищурить
Проскользнувший луч солнца
 меж сонных ветвей.
После бури – затишье, знать,
 снова быть буре...
Тишина. Даже слышно, как
 шепчет ручей.
Всё так тихо вокруг, как бы
 сладкими снами
Напоён этот лес и Воронеж-
 река.
Надо мной дуб холодными
 брызжет слезами,
И лениво плывут в синеве
 облака.
Вот синица спокойно и нежно
 запела
На зелёном кусте у разбитой
 сосны.
Точно пламенем, душу она
 мне согрела,
И вздохнул я легко,
 словно нету войны.
И под звуки родного напева
 проснулись
Пролетевшие годы давным
 уж давно.
И картиной живой предо мной
 развернулись
Отчий дом под ветлой, огород
 и гумно.
И припомнились детства
 друзья – малышами,
И поля, и луга, и костры,
 и цветы,

Александр Гордин

Александр Иннокентьевич Гордин родился в 1958 году в городе Усолье-Сибирское. Работал редактором кабельного телевидения «Эхо», преподавателем, редактором газет «Свеча», «Александровский Централ», «Усольские новости и мировые репортажи». Публиковался в городских и областных газетах, альманахах «Иркутское время» и «Родные берега». Член Союза журналистов России.

Наличниковое детство моё!
В гнёздах окон
Чирикает солнце – сердце полдня.
Люди отпускают в небо
Белые шары дыханий.
Лики старушек
В чёрных окладах старинных срубов.
То прикинусь топодем,
То слепой собакой,
То укутаюсь в дымы печные.
Бывало, что-то выюжит во мне,
Снегирем, нахохлившись, думает.
Наличниковое детство моё!
Сколько картофельных пластиков лун
Испечено на плите неба.
Сколько песен сочинено
Для меня русской печью.
Тёплый комочек
Кота с обмороженными ушами –
До сих пор дремлет,
Свернувшись калачиком
В левой стороне груди.

Осенние акварели

Отрывок из поэмы

В светлом здании твоего тела
Нашла приют наша девочка.
Она, настоящая на грозах,
На солнечном свете
И прощальном крике журавлей –
Лучшее наше стихотворение.
Заклинанию спиц в твоих руках
Подвластен и будущий джемпер.
Но одно неосторожное движение и ...
Ах, эти женщины!
Я категорически против того,
Чтобы им одним доверяли пряжу жизни.
Но смешно! – Ты, с копной
Непокорных кудрей,
В небрежном сарафане,
Спадающем с одного плеча,
Вечно расшнуровывающейся одной туфле,
С бабочкой броши на груди!
А я робею, как мальчишка,
Перед чудом твоего существования.

Милая!
Знаю, ты любишь забаву шелков! –
Одену тебя в бормотание пчёл
И сверкание листопада.

Милая!
Ты – божественна:
Двери всех храмов-лесов
И часовенок-рощ –
Настежь перед твоим величием!
И насчет богатства
Можешь не сомневаться...

Что презренные эти бумажки?
Их, зелёные, жёлтые, красные –
Бросают нам под ноги
Щедрые берёзы и тополя!
И мы, ослеплённые роскошью этой,
Затаив дыхание,
Как сорвавшиеся листья,
Колобродим, бранные,
По заблудшей Земле.
Так и быть,
Обещаю тебе в будущем всё это.
А также – утренний и вечерний чай,
Множество замечательного картофеля,
Добрый застиранный фартук,
Капризулю-дочку
И себя, усталого и грустного.
Такое оно, наверное, и есть
Человеческое счастье...

Выдуваю через солнечную соломинку дня
Легчайший стрёкот кузнечика,
Изучаю через дыры луж небо.
Прислушиваюсь к шорохам звёзд.
Пытаюсь даже сочинять стихи,
Но ничего не получается...
Простите, мои строгие учителя,
Деревья и птицы:
Я все ещё косноязычный
Человек.

Струятся ветви ивы.
Тихо зреют облака.
Чёрные черёмухи
Льются, льются листьями и плодами.

Чуть-чуть позванивает золото ос.
Как мёда капля на губах,
Последнее, пахучее,
Вспыхивает солнце в ворохах листвы.
Букет красок собираю.
Охапки слов за пазуху кладу.
И улыбаюсь медленному муравью.
И птице кланяюсь.
И человека громкого
Улыбкой усмиряю.

Владимир Горчаков

Владимир Олегович Горчаков родился в 1947 году в городе Усолье-Сибирское. Отработал 45 лет станочником в производственном объединении «Усольмаш». Автор сборников стихов «Пострел», «Мгновения». Публиковался в коллективных сборниках, городских и региональных газетах, журнале «Сибирь», в Антологии иркутской поэзии (XX век). Член Союза писателей России.

Провинциальные поэты

Мы – провинциальные поэты.
Нас провинциальные газеты
В розницу и оптом публикуют.
Наши души грешные ликуют.

Мы, провинциальные поэты,
Дружеским участием согреты –
Блажи зарифмованной – поблажки
Исподволь дают многотиражки.

Мы – провинциальные поэты,
Небесперспективно званьё это:
Нашенских кровей, в конце концов,
Алексей Васильевич Кольцов.

Не посмертная маска из гипса.
Завораживая, маня,
Нефертити – царица Египта –
По-лебяжьи глядит на меня.
Глубь очей заповедных, печальных,
Где мерцает таинственно Нил,
Прокалённый веками песчаник,
Словно преданный раб, сохранил.

Пустырь

Заросшие травую пустыри
Захватывает город постепенно.
И тут, примерно года через три,
Поднимутся многоэтажек стены.

Услужливо расстелется асфальт,
Оберегая горожан от грязи.
А мне пустырь определённо жаль
За скромное его своеобразие.

Здесь весело кузнечики куют,
С утра наперебой щебечут птицы
И как-то на особинку поют...
Нет, расставаться с ними не годится.

О благе общем что ни говори –
Святое убеждение не скрою:
Потребны и такие пустыри,
Заросшие метровою травую.

Проливной небесный плач.
Туча – мокрой курицей.
Надеваю сизый плащ.
Выхожу на улицу.
Оглянулся. Ни души.
Сердцу – сиротливей...
Ты его не потуши,
Окаянный ливень.
У вселенной на виду,
Под нависшим сводом
Вдоль по улице иду
Я – громоотводом.

Пейзажем детства давнего любуйся
(Воспринимая зрением иным...)
Ильинична – тулунская бабуся
Врачует внука молоком парным.

Застыл Дружок, «служба» на задних лапах.
Ромашковый невыразимый запах...
Поднявшаяся гомонит родня
В преддверии очередного дня.

Басит авторитетно маневровый...
Восход ошеломляюще багрян...
И к стаду приобщить свою корову
Спешит сосед по имени Демьян.

Шагая утром на работу,
Когда царит повсюду тишь,
Дыхание хлебозавода
Благоговейно ощутишь.

Спешу путем-дорожкой торной,
Подумывая на ходу:
«Уже печётся хлеб, который
Я отрабатывать иду».

Гор Бархатёвских вершины слезу...
Чем оправдаю великую милость
За неожиданную слезу,
Что по шершавой щеке покатилась.

Мысли в магазинной очереди

Стояло нас немало.
И я заметил, что
У большинства торчала
Вешалка пальто.
И те, чей век в проблемах,
И те, чей – налегке,
О, люди, люди – все мы
У Бога на крючке.

Вот – железнодорожный виадук,
Немой свидетель маеты вокзальной.
Здесь мчат локомотивы во весь дух,
И радость перемешана с печалью.
Глядит он с высоты на непокой,
На полосу перронную, жалея
Ликующий и грустный род людской...
Ему – оттуда – многое виднее.

Ветки клёна, как антенны,
Струнно слушают весну.
Прорастают светом стены...
Солнце бросило блесну
В ослепительные лужи...
Ждёт азартно, как рыбак, –
Что-то выловит на ужин?
Воздух свежестью пропах.
Скачут по земле прогретой
Воробьи, приободрясь.
Как на новую планету
Пешеход ступает в грязь.

Тишина обступила слепая.
Встрепенулся, уже засыпая.
Полусон. Полуявь. Наважденье.
Паровоза густое гуденье.

Это время, явившее милость,
В детство давнее воротилось.
Простодушный потомок Емели
Повелел, не вставая с постели,

И реализовалось хотенье:
Паровозное слышу пыхтенье –
Я дымок благодарно вдыхаю
И во сне потихоньку вздыхаю.

Луч от каждой его гравюры
Озаряет неверья тьму.
Сиротливо друзьям без Юры.
Одиноко вдове в дому.

Православного храма остов.
Серебристо поёт металл.
Свет Иванович Селивёрстов
Волей Божией дух питал.

Старый мастер

Чтобы думы о куске медовом
Главными никто не почитал,
Мастер – Трофим Тихоныч Мордовин –
Свежие газеты нам читал.

В понедельник, больше получаса,
Мехучасток – весь до одного –
Шивой многоруким умещался
В будке металлической его.

Отложив газету аккуратно
И воды глоточек пропустив,
Мастер призывал неоднократно
К трудовым победам коллектив.

От куренья, как детей от соски,
Тщетно отучал он мужиков.
Памятен внимательный, отцовский
Характерный взгляд – поверх очков.

Токарь Ганцев

Мастерам зело ругаться:
Перепачканный в земле,
Классный токарь Виктор Ганцев
Явственно навеселе.

Вот, сутулясь, он подходит,
Говорит наедине
Доверительно: «Володя,
Сочинил бы обо мне...

Мол, такой я и сякой я,
И работаю, и пью...».
Трёт корявою рукою
Личность подзаросшую.

Утром голову повинну
В цех привычно принесёт,
Где обосновался длинный,
Как и Ганцев, – «ДИП-500».

Будет жать на всю катушку –
Целен, целеустремлён:
То с него «снимали стружку»,
А теперь с детали – он.

Станет лоб от пота глянец –
Не тускнеть челу вовек,
Потому что Виктор Ганцев –
Работающий человек.

Пострел

Эй, февраль неистовый,
Пуще беленись!
Ты свисти, насвистывай,
Да не обленись.

Скоро на просторах,
Где метёшь мятежно,
Выпорхнет задорно
Дар весны – подснежник.

Не зазря задиру
За характер смелый
Издавна в Сибири
Нарекли пострелом.

Выздоровление

Три года миновало мне...
Лежу на белой простыне.
Палату заливает солнце.
Откуда малышу понять –
Светлынь – из-за того, что мать
В окне счастливая смеётся.

Станция Луговая

Где-то станция Луговая.
Там трава-мурава густая,
И, ошипывая откосы,
Мнут её деревенские козы.

Громыханье состава смолкло –
Воцаряется тишь надолго.
Где-то станция Луговая.
Неприметная. Рядовая.

Я однажды сюда приеду
По июньского утра следу.
И пойду я навстречу полдню,
И далёкое что-то вспомню...

Галина Горчакова

Галина Сергеевна Горчакова родилась в 1940 году в городе Белово Кемеровской области. Окончила Кемеровский химико-механический техникум. Работала электромонтёром-релейщиком, мастером, инженером-энергетиком. Публиковалась в районных и городских газетах, в журнале «Сибирь».

А мальчишке девчонка нравится,
Та, что в ситцевом ярком платице.
Уж такая девчонка гордая,
Так его самолюбие ранит!
Проплывёт мимо недотрогою,
На него даже и не глянет.
Он, тихонько её за косу
Дёрнет и убежит, кривляясь,
А она только сморщит носик:
«Я на глупых не обижаюсь...»
– Погоди, принцесса колючая,
Я сегодня тебя помучаю!
За оградою, у канавы,
Где репейник вырос на славу,
Для отмщенья слепил мальчишка
Из липучих колючек шишку
И, поймав недотрогу гордую,
Закатал ей колючки в голову.
А она их из кос выдирала,
А она не плакала, нет.
Может, сердце ей подсказало –
Это первый её букет.

*Сказ-легенда о тайтурском храме
апостолов Петра и Павла*

Проторили путь-дорожку
Лапти-постолы –
По сибирской по глубинке
Шли апостолы.

Думки светлые вели
Их без роздыху,
По тропинкам они шли,
Как по воздуху.

Слуги Божьи!
Неспроста
Вы ведь братья нам.
Где услышишь про Петра,
Знай – и Павел там.

Так с зари и до зари,
Где стоит их дом,
Пётр и Павел – рыбаки –
Ходят с неводом.

Уловляется народ
К правде-истине.
Славу Господу поёт
Сердцем искренним.

Ну, а где душа сама
К Богу просится,
Непрерывно в тех местах
Крест возносится.

Служителям Божиим славу пою:
Хоть злом за добро им подчас воздаю,
Они нас из мрака выводят на свет –
И кто их хулит – оправданья тем нет.

Лелея гордыню, на гибель идём
И сами в себе лишь разруху несём,
И губим себя, и друзей, и детей,
И ближних, и дальних – без лишних затей.

Ведь тот, кто без Бога спастись был бы рад,
Готовит дорогу душе своей в ад.
Служителям Божиим – слава и честь
От нас, неразумных, – такие уж есть.

Но вечная слава Христу и хвала!
Дай Бог, чтобы жизнь наша в Боге была,
Дай Бог, чтобы жизнь наша с Богом была.
Служителям Божиим – честь и хвала!

Про лягушку

Заскучала лягушка
В игрушках,
Нет лягушке в игрушках
Подружки.
Целый вечер
Льёт слёзы солёные,
От тоски стала вовсе
Зелёная.
И не ест,
И не пьёт,
И не скачет,
Целый вечер всё плачет

И плачет.
Всполошились вокруг
Все игрушки –
Как помочь
Нашей бедной квакушке?
Без воды она просто
Не может...
Кто же бедной
Квакушке поможет?
Нам на плаксу
Глядеть неохота –
Отпустили лягушку
В болото.

Шарик

У меня щеночек есть.
Толстый он,
Зелёный весь,
И совсем не лает.
Если я лежу больной,
Он весь день сидит со мной
И не убегает.
На прогулку ясным днём
Тоже ходим мы вдвоём.

Если ветер засвистит,
Мой щеночек норовит
Шмыгнуть за калитку.
Чтобы он не убежал,
Взял и крепко привязал
Я его за нитку.
Он теперь идёт у ног –
Тихий и послушный,
Потому что мой щенок –
Просто... шар воздушный.

Галина Дроздовская

Галина Александровна Дроздовская родилась в 1946 году в селе Маньково Читинской области. Окончила Читинский педагогический институт. Работала учителем истории в посёлке Рудногорск Иркутской области. Публиковалась в коллективных сборниках, в городских газетах и журнале «Первоцвет».

Зимняя сказка

Вновь зима закружила, завьюжила,
На аллее развесила кружева.
Всё в округе белее и строже,
И прохожие стали моложе.
Чисто вымел декабрь все дорожки.
Новый год уж стоит на порожке.
Запах ёлки витает повсюду.
Словно в детстве в преддверии чуда,
Кружит вьюга, несёт перемены,
Верю, праздник придёт непременно.

Храм Покрова на Нерли

Иду я по майскому лугу
И радуюсь первым цветам.
Вдруг – чудо! Волнуя округу,
Возник белокаменный храм.
Не в сказке ли всё это было?
Внезапно восстав из земли,
Лебёдушкой белой парила
Та церковь над гладью Нерли.
Любуясь в воде отраженьем,
Купая свой крест золотой,
Она не одно поколение

Пленила земной красотой.
Народ православный, почтено
Крестясь, тут главу преклонял,
А варвар жестокий надменный
Дивился и меч опускал.
Когда-то Андрей Боголюбский
В раздумьях у храма стоял,
Богатый и многолюдный
Град стольный построить мечтал.
Шли годы, жестокие войны,
Суровые вьюги мели,
Но выдержал беды достойно
Наш храм – Покрова на Нерли.
Царит в нём духовная сила,
И я перед нею склонюсь.
Истоки и корни России –
Святая великая Русь.

Здравствуй, моя роща,
Ангара-река!
Ветерок полощет
В небе облака.
Светятся берёзки,
В радужных лучах
Вербочек серёжки
Озорно торчат.
Свеж, душист багульник,
Весел шум сосны,
Звон плывёт разгульный
Молодой весны.
Уголочек малый
Вновь воскрес, как прежде.
И в душе усталой
Ожила надежда.

Танцующие птицы

Спешу в былое, к юности своей.
Пусты деревни, сиротлив пейзаж.
И вдруг возникла пара журавлей,
А, может, это утренний мираж?

То всплёскивают гибкими крылами,
То приседают церемонно, то встают,
Ликуют с солнцем, с первыми лучами,
Любовь и землю обрета свою.

Какое зрелище и редкая находка!
Какое царственное гордое обличье!
Синхронно грациозная походка
В неповторимом ритуале птичьем.

И ради этих редкостных мгновений
Родиться стоит и на свете жить.
Мой отчий край! Не оскудей в забвении!
Хочу тебя обнять и сохранить.

Мне по нраву родная природа,
Не привычная к тёплому раю.
И любые капризы погоды
С благодарностью я принимаю.

Меня радуют осени краски
И волнует дыханье весны.
И комфортно мне летом прекрасным,
И морозы зимой не страшны.

Заскучаю, наверно, я очень,
Если будет всегда только май.
И милее курортного Сочи
Свой родной незатейливый край.

В Берлине кончилось сраженье,
Умолкла, наконец, война.
Установилась на мгновенье
В ушах до звона тишина.

И грянул вдруг живой, ядрёный
Напев раздольной плясовой,
Солдату каждому знакомый,
До боли русскому родной.

На этой площади едва ли
Когда-нибудь, хоть в жизни раз,
Гармонь российскую слышали,
Что душу радует и глаз.

Играй, гармошка, в честь Победы
Для тех, кто штурмом брал Берлин,
Кто столько вынес и изведаль,
Фашизму в сердце вбивши клин.

Ликуй, гармонь! Пляши, славяне!
Пробил ваш час, пришла пора...
Пусть ваша доблесть не увянет,
Греми победное «Ура!».

Сталий Ермолин

Сталий Фёдорович Ермолин родился в 1935 году в посёлке Куйтун. Окончил Иркутский индустриальный техникум. Работал начальником цеха на заводе Горного оборудования. Публиковался в коллективных сборниках, городских и областных газетах, журналах «Сибирь», «Иркутский альманах».

Копалуха

На охоте копалуху ранил я: попутал бес.
Та, взлетев с последним духом,
И теряя перья с пухом,
Всё же улетела в лес.
Я стремглав за ней помчался.
(Всё равно её найду!)
Вдруг глазами повстречался
С ней на радость и беду.
Ухватив её за шею,
Я услышал птичий крик.
Понял, что добить не смею:
К этой роли не привык.
...И нередко вспоминаю
Я глухарку ту в кустах.
С той поры я не стреляю
Ни в зверей, ни в мирных птах.

Герань

Иду в деревню перелеском,
Встречают: утренняя рань,
Родимых окон занавески
И за стеклом – в горшке герань.
Я много времени здесь не был,
Скитался в дальней стороне,

Но ломтик маминого хлеба
Дороже яств заморских мне.
Тут всё до боли мне знакомо:
Тайга, и горы, и река,
И крыша дорогого дома,
И ширь полей, и облака.
В лугах коров бредущих стадо –
Безоблачная пастораль.
Мой милый край – моя отрада,
Моя надежда и печаль!
Стирает время помаленьку
Меж сёл и городами грань.
Но остаются: деревенька,
И отчий домик, и герань.

Привал

Последний пройден перевал.
Гудят нагруженные ноги.
И мы устроим здесь привал,
Сойдя с нехоженой дороги.
Наш «табор» выбран у воды,
Где родничок пробился чистый.
Он в окруженьи череды
Блестит оазисом лучистым.
Вначале ставим балаган
Или шалаш – как вам угодно.
Теперь иной таёжный стан,
Теперь палатки ставить модно.
Затем нарубим на ночь дров,
Из пихты сделаем постели.
Нальем сто грамм за новый кров
И дружно справим новоселье.

За орехами

Над речкой стелется туман.
Ещё темно, прохладно, сыро.
В тайгу уходит караван,
Покинув тёплые квартиры.
Мы свой багаж готовим днём:
Топор, табак, еду и спички.
Ружье с собою мы берём
По мудрой дедовской привычке.
И вновь у нас весёлый старт.
Здоровы, живы, слава Богу.
Дух приключений и азарт
Зовут нас в дальнюю дорогу.
И вот он – долгожданный лес,
Верней, подлески да поляны.
Над головою ширь небес
И запах трав духмяно-пряный.
Ведет знакомая тропа
Ложиною к болотной гати,
И мелкий дождик, как крупа,
Заморосил совсем некстати.
А лес все глуше и мрачней.
Исчезли редкие осины.
Пред нами гарь, остатки пней
И гор заросшие вершины.
Пленяют сыроежки нас,
Пьянит настой хвои и ягод.
Здесь побываешь только раз,
А впечатлений хватит на год.
Гнус поотстал от наших лиц.
Кругом лишь кедры да валежник.
Не слышно хора певчих птиц.
Так начинается орешник.

Половодье

Половодье – буйный праздник
И природы, и весны.
Поцелуем страстным дразнит
Свежий ветер новизны.
Потянулись в небе синем
Гуси, утки косяком.
А берёзы и осины
В лужах бродят босиком.
И сиреневый подснежник –
Первый вестник вешних гроз
Лепестками держит нежно
Бриллианты росных слёз.

Василий Козлов

Василий Васильевич Козлов родился в 1947 году на станции Оловянная Читинской области. Окончил школу в городе Усолье-Сибирском. Учился на филологическом факультете ИГУ. Главный редактор журнала «Сибирь» с 1986 по 2012 годы. Автор поэтических книг «Уроки доброты» (1975), «Есть у меня на свете брат» (1979), «Стихотворения» (1985). Публиковался в коллективных сборниках, в книге «Антология иркутской поэзии (XX век)», журналах: «Наш современник», «Москва», «Роман-журнал XXI век» и др. Член Союза писателей России.

Великий и сильный народ,
Над миром паривший, как птица,
Уже никуда не идёт,
Уже никуда не стремится.

Доверчивый добрый народ
Ужель не достоин прощенья?
И снова для новых господ
Ты станешь козлом отпущенья?

Россия, родная, гори!
Пусть рухнет твоё мирозданье!
Народ мой, восстань и умри!
А лучше умри без восстанья.

Не будет ни новой земли,
Ни нового ясного неба,
Пока только хлеба и хлеба
На паперти просишь в пыли...

Плыть и плыть над ликующей бездной...
Звёзды плачут, мигая во мгле.
Неужели была бесполезной
Жизнь моя на цветущей земле?

Я ещё не устал улыбаться,
Знаю радость и горькую страсть.
Может, выше уже не подняться,
Но и ниже уже не упасть.

Но стоять над ликующей бездной
Так светло, когда вспыхнет гроза,
И смотреть, как по грани отвесной
Тихо катится Божья слеза.

Может быть, не напрасны страдания
На закате исполненных дней.
Дал бы только Господь покаянья
В непостыдной кончине моей.

Образ времени в сердце исчез.
Стал я годы считать и обчёлся...
Это я умирал и воскрес,
Это я пропадал и нашёлся.

– Что ж, отец, не выходишь встречать?
Блудный сын на родимом пороге.
Где моя хлопотливая мать?
Вся в заботах, трудах и тревоге...

– В этом доме живут господа, –
Молвил голос и тихий и жёсткий, –
А твои, если жили когда,
То живут на другом перекрёстке.

– Как же так, - говорю, – как же так?
Этот дом моим дедом построен...
Скрипнул чёрною кожей пиджак
И сказал, безнадёжно спокоен:

– Здесь, тебе говорят, не музей,
Чтоб ходили сюда экскурсанты.
Здесь уже не осталось людей,
А остались одни коммерсанты...

Гончарный круг

Жизнью, прожитой наполовину,
Твёрдым опытом рук научи
Разговаривать влажную глину
Перед обжигом в чёрной печи,

Чтобы ласковый по-человечьи
Голос глины, окрепший в огне,
Через бездну границ и наречий
Твою душу рассказывал мне.

Пусть в работе меняется форма,
Та, что в замысле ты намечал.
Поддаётся легко и покорно
Переделке сырой матерьял.

Всё же, мастер, как мы ни хотели б
Выйти мыслью за круг бытия,
Лучшей формы сосуда, чем череп,
Не придумаешь для питья...

Старый город

Старый город, ты смещён
На окраину. Отныне
Полон твой осенний сон
Пыльным запахом полыни.

В каменном полукольце,
Устаревший до смешного,
На бревенчатом лице
Сохранил черты былого.

В землю врос, вращёшь ещё.
Тёмный тополь в палисаде
Глянет вниз через плечо,
Прошумит листвою в досаде.

В скольких я домах бывал,
Каменных, многоэтажных,
Но не помнил, забывал.
А из этих помню каждый.

Нарастают этажи –
Проявление прогресса...
А твои дома – для сердца,
Для раздумий, для души...

Слова

У слова не только основа –
Душа необъятная есть,
И, кроме огня звукового,
Тончайших оттенков не счесть.

Всходи надо мною и властвуй!
Я радостным слухом ловлю
И это рассветное:
– Здравствуй!
И это ночное:
– Люблю!

Т. Суровцевой

В тетрадях останется главная книга,
В рисунках, в набросках на белых полях,
Какое ей дело до сладкого мига,
Разъявшего душу на слово и прах?

Мой дом не оставит печаль и забота.
Однажды я лугом пойду молодым,
Прекрасная леньность любви и полёта
В лицо мне вольётся по травам седым.

И ветви литые, и корни витые,
И листья сухие, как давняя весть,
Откроют лицо испитое России, –
Признать невозможно и глаз не отвести.

Скажи мне, грядущий в иное столетье,
Минуем ли мы роковой поворот?
Я знаю, какое у нас лихолетье,
И что нас погубит, и что нас спасёт.

Умри, моё сердце для помысла злого!
Душа, успокойся. И это – пройдёт?
И только великое русское слово
Всю боль пересилит и смерть превзойдёт.

Добро, что нажито с годами
И вдохновеньем, и трудом,
Все уместилось в чемодане
У рукописей под крылом.

А за порог шагнул – дорога
Открылась, близкая душа.
Так бесприютно одинока!
Так беспредельно хороша!

И мне легко, все забывая,
Шагать куда глаза глядят,
– Сынок, сынок, вернись назад!..
Вот правда Родины простая.

Прохожий

Он пьяным был, он выглядел нелепо,
Смеялся, падал, выбился из сил.
Среди просящих милости и хлеба
Он ничего у встречных не просил.

Кричал:
– Вы не имеете названья!
Вам никогда чужого не понять...
Но в женщине, просящей подаюня,
Не дай вам Бог узнать родную мать.

Время

Твой череп отмечен печалью высокой.
Он страшен, как храма распавшийся свод.
И дума сравнялась с шумящей осокой,
А голос пространства зовёт и зовёт.

Прошло – не коснулось истлевшей страницы
И дальше вершит круговой оборот.
И птицы летят сквозь пустые глазницы,
И звери бегут сквозь зияющий рот...

Сестре Альбине

Над цветущей яблоней, над сливой
Самолёта остывает след...
Я хочу, чтоб ты была счастливой
В мире, где, возможно, счастья нет.

Не бывает радости без меры.
Не бывает неба без земли.
Прошагали наши пионеры,
Комсомольцы в вечность отошли.

Магазины, дети, внуки, грядки –
Вот и все житейские дела.
Главное, чтоб было всё в порядке
На душе. И будет жизнь светла.

Молодость, волнения и ропот,
Искренность, любовь, порыв, волна.
Зрелость – это знание и опыт,
И души бессмертной тишина.

Всё проходит – дети остаются.
Всё пройдёт, и внуки подрастут.
Горестные слёзы отольются
Ради редких искренних минут.

Всё проходит в жизни торопливой,
Но достойных дней не перечесть
Я хочу, чтоб ты была счастливой
В мире, где, наверно, счастье есть.

В храме

Уйду от пошлости и срама,
От вечно занятых людей,
Войду в вечерний сумрак храма
И в запах гаснувших свечей.

Грехи мои, не отступая,
За мною тянутся вослед.
И только здесь душа слепая
Сквозь веки прозревает свет.

Я опускаюсь на колени,
О чём бы не просил Его,
Не в просьбе, а в благодареньи
Суть нашей веры в Божество.

Виктор Колчин

Виктор Александрович Колчин (1941 – 2014) родился в Ульяновской области. Окончил Скугановское училище механизации. Работал сварщиком. Публиковался в городских газетах, в журналах «Сибирь», «Иркутский альманах».

Малая родина

Родина – свет негасимый.
Рощи, берёз белизна,
Шелест листвы тополиной,
Хмурых полей тишина.

Горечь белёсой полыни,
Запах родимой земли –
Помнятся мне поныне:
Жизнь вы мою берегли.

Тихая сельская местность.
Речка, просёлки, стога...
Эту немую безбрежность
Мне не забыть никогда.

Трудными шёл я путями,
В дальние вышел края.
Снится глухими ночами
Родина – радость моя.

Ночь на Ангаре

Ночь, река, костёр сияет,
Чутко дремлет тишина.
В небе млечный путь мерцает,
Светит бледная луна.

Филин стонет за горою,
Будит эту тишину,
Ветер вольный над рекою
Гонит лёгкую волну.

Вороны

Вороны в тайгу прилетели.
На соснах сидят и галдят,
И слушая всхлипы метели,
На белую землю глядят.

Холодное, льдистое солнце
Собой заслонила пурга,
И в узкой черте горизонта
Смешались тайга и снега.

Но утро вонзится, как заступ,
В морозную гладь берегов,
И чёрная стая контрастом
Проступит на марле снегов.

В седых полях осеннею порою
Под небом хмурым плачут журавли,
Летят они воздушною тропею –
Плывут, как тёмной ночью корабли.
Предзимний день угрюмо проступает.
Темнеет берег сонный в лозняке,
Студёный ветер ветви пригибает
И клонит их неистово к реке.
Пожухли травы серые в тумане
Чернеют пашни, стелются вдали.
В безбрежном поднебесном океане
На юг летят, курлыча, журавли.

Конь

Конь буланный, конь лихой,
Шёлковая грива,
Что танцуешь подо мной
Звонко и игриво?
Ой, судьба моя, судьба,
Мета, доля злая.
Нет отрады у тебя,
Сторона чужая.
Унеси меня, мой конь,
В сторону родную.
Слышу колокольный звон,
Плачу и тоскую.
Конь буланный, конь-огонь,
Вот потрянул он гривой,
И помчал меня мой конь
Прямо к дому милой.

Инна Коноплёва

Инна Васильевна Коноплёва родилась в 1950 году в посёлке Песочное Ярославской области. Окончила Свирский электро-механический техникум. Работала на Усольском производственном объединении «Химпром». Публиковалась в коллективных сборниках, городских газетах, журналах: «Иркутский альманах», «Белая радуга», «Северо-Муйские огни», «Первоцвет».

Танец байкальской воды

В зимнюю стужу чашу Байкала
Скрыли суровые, мрачные льды.
А подо льдами бьются устало
Струи холодной прозрачной воды.

Долгую зиму волны страдали.
Кончились вьюги, ушли холода.
Тают оковы, бывшие льдами,
Рвётся на волю, бунтует вода.

Слушая музыку ветра, мгновенно
Гребнем касаясь небесных седин,
Волны танцуют самозабвенно,
Им помогает хмельной Баргузин.

В кружеве пены томно вздыхая,
Волны покорно ложатся к ногам
Или грохочут, не умолкая,
Словно огромный безумный тамтам.

В яростном танце нет остановки,
Дань возвращая сибирским богам,
Волны несут ледяные обломки
В бездну, где царствует грозный Бурхан.

Белый воробей

Да, повезло определённо:
В один из ясных летних дней
Мне встретился на ветках клёна
Весёлый белый воробей.
Пусть говорят, что на планете
Таких не больше десяти,
Но, я же видела, поверьте,
И мимо не смогла пройти.
Поторопилась фото сделать,
Но он внезапно улетел.
Обидно, воробьишка белый
Позировать не захотел.
Гляжу: вновь скачет по дорожке
Средь шумной братии своей
И лихо склёвывает крошки
Весёлый белый воробей.
За мошкой вслед
Вспорхнул с дорожки.
Лети, воробушек, лети!!!
И пусть рогатка или кошка
Тебе не встретятся в пути!

Отец

Собиралась к отцу поехать,
Да менялся поездки срок.
Но однажды тревожным эхом
В дом ворвался чужой звонок...
По дороге пустой бежала,
А вокруг – ни души, ни огня,
Жаль, что поезд, ночной, усталый,
В путь отправился без меня.
На перроне промёрзшем, сером,
Свет огней приглушён слегка.

Снег и ветер остервенело
Бил по мокрым от слёз щекам.
Словно часть души оторвало,
Словно миру пришёл конец...
Не приехала...
Не сказала...
Опоздала...
Прости, отец!

Весенний снеговик

В двадцатых числах мая –
Ну что ж, не привыкать!
Зима, снежком играя,
Вернулась к нам опять.
Среди метели вешней
В густой траве возник
Такой смешной, потешный
Весенний снеговик.
Его под старым клёном,
Стараясь от души,
Среди травы зелёной
Слепили малыши.
Вновь солнце рассмеялось –
Наш снеговик не рад.
А мама догадалась
Взять фотоаппарат.
На снимке рядом с клёном,
(Запечатлён сей миг)
Красуется смущённый
Весенний снеговик.
Он в тёплом добром доме
Средь книжек и затей
Живёт в фотоальбоме
У маленьких детей.

Бабушка с собакой

Утром, ровно в восемь,
В зной, мороз и слякоть
Погулять выходят
Бабушка с собакой.

Шляпка и перчатки...
Корвалола запах...
Старая хозяйка,
Старая собака.

Если вдруг хозяйке
Дома стало зябко,
Принесёт халатик
Умная собака.

Станет псу тоскливо
Иль заломит спину,
Бабушка полечит,
Приласкает псину.

Может, вышло им
Время – ставить точку.
Только как двоим
Жить поодиночке?

И идут по жизни
В зной, мороз и слякоть
Старая хозяйка,
Старая собака.

Ясный взгляд, улыбка,
Седины отливы...
Поглядите: старость
Может быть красивой.

Ольга

Мне почудились в сказочном имени Ольга
Саги викингов, тайны дрейфующих льдов,
Знойный ветер пустыни, широкая Волга,
Грозный топот лихих лошадиных подков.

Свет берёз, запах сосен, лесные полянки,
Горделивая стать византийских царей,
Страсть огня, холод снега, смиренность славянки,
Грозный рокот бушующих синих морей.

В нём лукавство и роскошь китайского шёлка,
Русских храмов пасхальный малиновый звон...
Песня вольная слышится в имени Ольга –
Много... много в России прекрасных имён.

Юрий Кочура

Юрий Семёнович Кочура родился в 1950 году в Туркмении. Окончил спецшколу для слепых и слабовидящих в Иркутске. Выпустил поэтические сборники: «Листопад», «Эхо любви», «Странник», «О любимой», «Исповедь», «Луговина». Публиковался в городских, районных газетах и журнале «Сибирь». Член Союза писателей России.

Память

Милая, столько лет
Врозь, и не светит встреча.
Лист на моём столе
Чист, как июньский вечер.

И у тебя хандра,
Я не сужу по слухам –
Длится любви пора,
Тополь исходит пухом.

Нам бы сойтись, как встарь,
Гордость – диагноз мнимый.
...Вот и ожил фонарь –
Друг мой незаменимый.

Скиталец

Ожиданием восторга
Жил порою, сердце теша.
Не терпел с судьбою торга.
Видел много, шёл-то пеше.

Знаю, годы разбазарил –
Утекли водой меж пальцев.
Но к Творцу без притязаний –
Сколько нас таких скитальцев!

Странник

Я, конечно, выдумал тебя –
Потому из памяти сотру.
Образ твой безжалостно губя –
Стыну на порывистом ветру.

Жухлый лист к моей приник щеке –
Добрый знак – мне по дороге с ним.
Как и я, страданием гоним,
К радости, что где-то вдалеке.

«Милый мой, возьмём сестрою тьму,
Понесёмся странствовать в ночи.
В доме, где уют и дух печи,
Тяжко оставаться одному».

Максималист

Хочу ночами тёмными
Бродить наедине,
Мечтами неуёмными
Довольствуясь вполне.

Сминая травы спящие,
Срывая влажный лист,
Жечь мысли настоящие –
В душе максималист.

Ленивою зарницею
Займется новый день,
Пугливою синицею
Присядет на плетень.

От ночи грусть останется
Да ломота в ногах,
Под ветром – рябью старица
И травный дух в лугах.

Ромашки

Что там ночи, что рассветы,
В сердце маета.
Богом послана ко мне ты,
А другим взята.

На столе моём ромашек
Маленький букет.
В нём тепло и счастье наше –
Всё, чего уж нет.

Что теперь со мною станет...
Плачу? Да, тайком,
Ведь моя надежда вянет
Луговым цветком.

Жизни нить

Сердце раненою птицей
Трепыхается в груди.
Долго будет жизнь катиться
Вниз? А что там – впереди?

Неужели только горе,
Неуёмная тоска?
На погибель дьявол гонит,
Жизни нить совсем тонка.

Не хочу срываться в темень –
Рвать связующую нить.
Кто покаялся – я с теми.
Богу верить – значит жить.

До свиданья, лето

До свиданья, лето, до свиданья!
Ты меня обратно не зови –
В радость от минувшего свиданья,
В горечь несвершившейся любви.

Где-то по ухабам счастье мчится.
Сердце стонет: «Поздно, не кричи...»
Вот уж тополь, оголив ключицы,
На ветру качается в ночи.

Небо разбижено провисло...
Только головою ткнись в него –
Треснет, как гнилое коромысло,
И прольётся всё на одного.

Что там лето – осень на исходе.
Перезимовать бы на плаву,
Чтоб весной из зеркала разводий
Зачерпнуть в ладони синеву.

Руслан Кузнецов

Руслан Александрович Кузнецов родился в 1975 году. Окончил среднюю школу в городе Усолье-Сибирское. Публиковался в коллективных сборниках и в городских газетах.

Мы сидим, два кресла сдвинув, -
Я тебе стихи читаю.
Ты чуть прогибаешь спину,
Чуть приподнимаешь бровь...
И качается так близко
Золотая, завитая
Прядь, как тайное значенье,
Как неведомая новь...
Я читаю, я забылся.
Я игрою очарован.
Мир качается, как прядка
У сознания на краю...
Я, наверное, влюбился?
Я наверняка влюбился!
Но пока не знаю это –
Не осознаю.
Пусть пройдут ещё мгновенья,
Кончится стихотворенье.
Мир войдёт в свои границы,
Мысль пройдёт свои пути...
И когда ты вновь поднимешь
На меня свои ресницы,
Я тебя такой увижу...
Что и глаз не отвести!

Убаюканный бледным рассветом,
На скамейке у дома сижу.
Откатилось приленское лето
К пограничному рубежу...
Молча листья роняет осень,
Отступили туманы в поля,
И летит над верхушками сосен
Долгий-долгий гудок с корабля...

Духовной жаждою томим,
Пришёл к подножию Парнаса
Внимать божественному гласу
Чудаковатый пилигрим
В надежде, что его мольба
Достигнет вечного престола,
И снизойдёт живое слово
На утомлённого раба...

Бог внял молитве –
И сошла...
Лавина снежная с вершины
И под собою погребла
Всю близлежащую долину.

Под ногами пылится дорога.
Дым Отечества. Соль веков...
Ненавязчиво смотрят, но строго,
Зелень колоса, синь васильков.

Машет вслед и кивает берёза,
Словно мать на пороге избы.
И доносит с заречных покосов
Травным духом крестьянской судьбы.

В этот век быстротечный и зыбкий,
Сердце, вечному зову внемли.
Не свершить бы серьёзной ошибки,
Уходя по земле от земли.

Я не знаю, в каких краях,
На каком перепутье загину.
Может, душу отдам в ковылях,
Может, в душном бурьяне полынном.
И, не зная ни часа, ни дня,
Я вбираю глазами пространство...
Мать-земля, пошепчи на меня
Наговор от жены и от пьянства.
От оков, от негладанных пут
Огради, если только возможно.
Пожелай выходящему в путь
Ветра, поля да пыли дорожной.

Деревянные храмы скитаются
По Земле, словно люди. Они
Разбираются и собираются,
Переходят поляны и дни...
Этот храм Николая-Угодника
На байкальском нашёл берегу.
Тело Родины – малая родинка;
Чудотворец по пояс в снегу...

Что-то синее промелькнуло,
Только на небе красный закат.
Уж не птица ли счастья метнула
В мою сторону синий свой взгляд?
Или девушка? Шла ли, летела?.. –
Не узнаю теперь нипочём!
Не хотела задеть, да задела
Край сознания женским плечом.
Или мне примечталось на склоне
Сил и власти лишённого дня?
И прошли – словно синие кони –
Мои вешние дни сквозь меня...

Подул весенний южный ветерок,
Пахнуло снежной талью,
И февраль –
Заплакал и протёк на жёлоб...
Запахло в сером городе весной.
Как конькобежцы чиркают трамваи
По рельсам,
А из-за угла,
Навстречу,
Вдруг,
Выскакивает солнце.
Большое и лохматое,
Оно –
Напоминает чем-то сенбернара,
Которого спустили с поводка.
И он от радости нечаянной свободы
Готов сейчас расцеловать
Полмира...

Пристрастился к стрельбе из лука.
Словно принц на пригорок хожу.
Каждый день, упражняя руку,
В синь небесную стрелы сажу.
Где упала стрела на излёте,
Золотым опереньем звеня?..
Уж давно на ближайшем болоте
Ждёт царевна-лягушка меня.

Мел

В суете, между строк, между дел,
Даже бреясь – не замечаешь,
Что в тебе проступать начал мел...
Ты мелеешь, а значит, мельчаешь...
Неприметно, за год или два,
Под воздействием солнца и ветра
Станет мелом твоя голова,
А душа... известковые недра...
Глянешь в прошлое – веется пыль.
Глянешь в душу – и тесно, и мелко...
А маляр добросовестный – былъ
Слой за слоем наносит побелку...
Ты мелеешь – сомнения нет.
Пусть ты нынче хорош, как Мел Гибсон...
Все сильнее проступают на свет
Твои залежи мела и гипса.

Цена

Удовольствия в жизни мало,
Но за малое платишь сполна.
Если ты украинец – за сало.
Если сало – за меру зерна.

Вера Мамедова

Вера Ивановна Мамедова родилась в 1952 году в селе Городищи Пермской области. Работала бухгалтером. Публиковалась в коллективных сборниках, городских газетах, в журналах «Иркутский альманах», «Белая радуга».

Багряный лист упал, и золотой, и красный.
Роскошный и цветной, на землю лег ковёр,
Но обнажённый лес так трепетно прекрасен!
Пейзажи рисовать, твой улаждая взор,
Стремится кисть моя. Но всё же я робею:
Боюсь, что передать всю прелесть красоты
Так тонко и легко, увы, я не сумею,
Но ты меня поймёшь... и не осудишь ты.
Стою, забыв про всё, вбирая этот пламень.
Как смел художник тот, что начертал –
Мерцающую даль, замшелый этот камень,
Над медленной рекой застывший краснотал.

От детства мне осталось много:
Таинственный кедровый бор,
Лесная тёмная дорога
И ветер, дующий в упор.

Отец сажал меня на плечи
И уносил с собой в тайгу.
Он шишку бил. Потом под вечер
Мы жгли костёр на берегу.

Пекли картошку, песни пели
И засыпали у костра,
А кедры ласково шумели
Над головою до утра.

Теперь мне снится та дорожка,
Лесная речка в двух шагах
И давний сладкий вкус картошки
На перемазанных губах.

Украсил дождь собою лето.
Играют капли ярким светом,
Как бусинки из хрусталя,
И наряжается земля.
Дождь синий был и голубой.
Он лил хрустальною водой
На лица, зонтики и крыши.
Малыш под светлый дождик вышел.
И льются струйки на панаму,
А из окна смеётся мама:
Малыш под дождик попадёт
И очень быстро подрастёт.
Когда идут дожди на свете,
Растут сады, цветы и дети.
Блестит счастливою приметой
Колье дождя на платье лета.

Вы только подумайте: вечер,
Вчера ещё тёплый такой,
Предсказывал, что будет вечен
Желанный осенний покой.

А утром серебряно-белым,
Мерцающим, словно опал,
Зима-кружевница хрустела
Крахмалом своих покрывал.

И пахло морозно и вкусно,
И глубже хотелось дышать.
Зимы колдовское искусство
Надолго запомнит душа.

Подсмотрела я по случаю
Тихой, тёплой, ранней осенью,
Как своей метлой колючею
Дворник улицу расчёсывал.

Воробьи в пыли чирикали,
Добывая пропитание,
И сверкающими бликами
Пробивалось солнце раннее.

Жизнь текла легко и весело,
Стариков дымили трубочки.
Вот и радуга развесила
На просушку свою юбочку.

И кружились листья важные.
Знаю, будет день удачливым.
И хотелось крикнуть каждому:
«Улыбнитесь, будьте счастливы»!

Анатолий Нестеров

Анатолий Анатольевич Нестеров родился в 1952 году в городе Копейске Челябинской области. Работал шахтёром, художником-оформителем. Публиковался в газетах Урала, Сибири, Дальнего Востока, в журнале «Сибирь».

Подранок

Брёл я как-то утром ранним
Вдоль реки к себе домой,
Вдруг гляжу: сидит подранок
В двух шагах передо мной.

Улетели до метелей
Стаи птиц давно на юг.
Только он с дробинкой в теле
Здесь остался среди вьюг.

И сидит он, не боится,
Чистит перышки об лёд.
Подошел я молча к птице,
Поднял на руки её.

А подранок несмышлёный
Свесив мёртвое крыло,
То на мир глядит влюблённо,
То в глаза мне... тяжело.

Душа в миру – судьбы основа,
Душа – молитва на устах.
И если мы не чтим Христа,
Дух исчезает, гаснет слово,
И жизнь становится пуста.

Награда

Вернулся из военкомата,
Костыль поставил у стола.
На бабушку глянул виновато,
Мол, вот такие, мать, дела.
Ему бы грудь расправить надо,
Соседей кликнуть из окна.
Ведь как-никак, а все ж награда
Ему сегодня вручена!
Нашла, нашла медаль солдата,
Сквозь толщину лет его нашла!..
Вернулся из военкомата,
Костыль поставил у стола.
Сидит старик, спина горою,
Морщины горькие у глаз.
А бабушка смотрит на героя,
Как в день знакомства,
В первый раз.

О рубашках

«Своя рубашка к телу ближе», –
Твердим порою впопыхах,
Но было время, кто-то выжил
Ценой разодранных рубах.

Когда на фронте бинтовали
Солдат, израненных в бою,
Коль нет бинтов – рубаху рвали,
И рвали именно свою.

Своя рубашка ближе к телу.
Но вот пожаром вспыхнул дом.
Детей спасая, парень смело
Ведёт борьбу с шальным огнём.

Рубаха пламенем объята,
Но страха нет в его глазах.
Я уверяю вас, ребята,
Таким парням не до рубах.

Ты посмотри, как солнце в небе светит,
Как падает осенняя листва.
Ты посмотри на радугу соцветий,
От них хмелеет счастьем голова.

Вдохни всей грудью свежий запах сада,
Умой лицо прохладой небес.
Ну, что тебе ещё от жизни надо,
Каких еще красот, каких чудес?

Мы все какой-то тайный смысл ищем,
Даем оценку жизни не спеша.
Ты погляди на эту красоту,
Она невыразимо хороша!

Ираида Полякова

Ираида Никитична Полякова родилась в 1930 году в городе Кургане Челябинской области. Окончила педагогический институт. Работала учителем русского языка и литературы. Публиковалась в городских газетах, в журнале «Иркутский альманах».

Ниточка незримая

Мы идём тропой крутой –
В жизни два осколочка.
Ты при мне, а я с тобой –
Ниточка с иголочкой.
Ниточка незримая,
Любовь неугасимая.

Уезжаешь на семь дней –
Что со мною станется?
А чем дальше, тем сильнее
Ниточка натянется.
А завистливые взоры
Не волнуют нас давно.
Вышиваем мы узоры –
Нашей жизни полотно.
Расписное полотно –
Счастье на двоих одно.

Строить счастье не устанем,
Всё приходит в нужный срок.
А любовь, она затянет
Самый крепкий узелок.
Снова мы идём тропую,
Рядом по просёлочку –

Ты при мне, а я с тобою –
Ниточка с иголочкой.
Ниточка незримая –
Любовь неугасимая.

Моё Усолье

Встает рассвет над сказочным раздольем:
Любуется студёной Ангарой.
Приветствую тебя, моё Усолье,
Любимый город, город трудовой.

В тебе слились и мудрость трёх столетий,
И юности студенческий задор.
Распахнут по-сибирски и приветлив
Широких площадей твоих простор.

Наш город невелик. Здесь перекрёсток,
Транссиб и Ангара – вот рубежи.
Народ рабочий; красоты неброской –
Химпромовцы, создатели машин...

С тобой мы пережили лихолетья
Застоя, перестроек виражи,
В течение лишь одного столетья
Менялась, как в калейдоскопе, жизнь.

Мне жить с тобой всегда мечтой единой,
Куда б судьба ни бросила меня,
Вернусь к тебе под шёпот тополиный
И постою у Вечного огня.

Мой город повидал и декабристов,
И слово Чернышевского слышал.
Поднялся он среди метелей мгlistых,
Расправил плечи и родным нам стал.

Город сибирский, древний,
С трудной и славной судьбой.
Я навсегда остаюсь тебе верной,
Город над Ангарой.

Свидание с Байкалом

Поезд вырвался из предгорий,
Яркий свет вдруг в купе заиграл.
Холодком потянуло, и вскоре
Перед нами открылся Байкал.

Здравствуй, батюшка грозный Байкал,
Море славное, гордость России.
Ты легендой народною стал,
Стерегут тебя скалы крутые.

Ты наполнен живою водой
С ледников поднебесного края.
Сотни рек ради встречи с тобой
Разбиваются, с гор низвергаясь.

И недаром у них имена
Громотуха, Шумилиха, Быстрая...
Чистый воздух, святая вода
И природа, младенчески чистая.

Но пришёл покоритель природы
Исполин, властелин – человек,
Он построил дома и заводы,
Утвердясь на Байкале навек.

Скалы гордые не защитили,
Застонали в смятенье леса,
Перед стоками ядов в бессилье
Умирает живая краса.

Страшен в гневе могучий Байкал.
Он Сарму посылает людям.
Кто характер Байкала узнал,
Ни за что с ним шутить не будет.

Раздаётся прощальный гудок,
Россыпь звёзд зажигает вечер.
Поезд дальше спешит на восток.
До свиданья, до новой встречи.

Адам Прокопьев

Адам Иванович Прокопьев (1934-2000) родился в селе Старые Стрелы Дрогобычской области. Работал на Солезаводе и в ООО «Усольехимпром». Публиковался в городских газетах и журнале «Сибирь».

Солеград

Почти четыре сотни лет
Здесь у ключей, богатых солью,
Рождался город – Солеград,
С любовью названный Усольем.

В край необжитый, край кедровый
От енисейских берегов
Пробились братья Михалёвы
С ватагой смелых казаков.

Их вёл Онисим-рудознатец,
Видавший пилы сибиряк,
А с ним Гаврила, добрый братец,
Под стать Онисиму казак.

Приведших их издалека
Пленила мощью и привольем
И многоводная река,
И берег с родниковой солью.

– Быть поселенью у реки,
Близ устья соляных пожилин! –
Так порешили казаки
И норный камень заложили.

Там, как водилось на Руси,
Тотчас срубили избы парни.
Произнесли: «Иже еси...», –
И задымили солеварни.

...Прошло три сотни с лишним лет,
И вырос город из селенья.
Но свой неизгладимый след
Запечатлели поколенья.

Здесь подвиг декабристов зрел,
Мужала воля петрашевцев,
Здесь кандалами прозвенел
Непокорённый Чернышевский.

И прадеды живущих здесь –
Кулёмин, Лупношкин, Бухарин –
Снабжали солью край наш весь
Из щедрых «чёрных» солеварен.

Да, здесь незыблемо хранит
Весь трёхсотлетний труд народа
Не отшлифованный гранит,
А каждый камень сользавода!

И каждый дом над Ангарой,
И каждый житель, стар иль молод.
А мне всё слышится порой
Гудок, с утра будивший город.

Расти и здравствуй, город мой,
Рождённый на земле у соли,
С неповторимою судьбой
И звучным именем – Усолье!

Поэту

Пусть выстрелы у речки Чёрной
Поэта оборвали жизнь,
Но памятник нерукотворный
Главой вознёсся гордо ввысь.
Всё монолитней, всё весомей
Отлитая в глаголы медь!
Стихам, что с детства нам знакомы,
Ещё века в сердцах звенеть.
Мы внемлем трепетно и свято
Словам, которых нет родней,
Чем Русь жива и чем богата
От древних и до наших дней.

Коса на камень

Коса
 звенела на лугу,
Казня траву
 и дрёму ночи.
И вдруг по камню –
 по врагу –
Ударила
 что было мочи.
Вспорхнули
 птичьи голоса,
Луг предрассветный
 встрепенулся,
Визжа,
 иззубрилась коса.
А камень даже не качнулся.

Георгий Разгуляев

Георгий Аркадьевич Разгуляев (1948-2010) родился в городе Усолье-Сибирское. Окончил исторический факультет Иркутского государственного педагогического института. Преподавал в Усолье-Сибирском филиале Иркутского государственного технического университета. Публиковался в городских газетах и в журнале «Дальний Восток».

Затопили печи

Затопили печи.
Иней на траве.
Путь ложится Млечный
В облачной стране.
Окоём за речкой,
Где туман повис...
Дым из труб, как свечи,
Горек и душист.

Лёд хрустит у речки,
Нежно-серебрист.
Розовеет вечер,
Холоден и чист.
Где-то у колодца
Звякает ведро.
Дух смолистый льётся
От сосновых дров.

Красные от печки
Отблески дрожат.
Ходики беспечно
Вечность сторожат.
В сумерках венчальных
Тёмный лес в окне.

Закипает чайник,
Радуется мне.
Жёлтый свет в окошках.
Ночь так холодна!
И яйцом в лукошко
Катится луна.

Задолго до весны,
Когда леса под снегом,
Мне ночью снились сны,
Шло пробужденье следом.

По хрупкому стеклу
Ветра скребли и ветви,
И на столе в углу
Стучал будильник ветхий.

И было ясно так,
Что я проснулся ночью.
Чужому сердцу в такт
Секунд ложились точки.

Хотелось мне понять:
Зачем всё так случайно,
Что может означать
Зимы и ночи тайна,

И свет от фонаря
Сквозь переплёт оконный,
И для чего здесь я,
Усталый, тихий, сонный.

Но тени на стене
Легки и непорочны.
И так вот снилось мне,
Что я проснулся ночью.

Тихий дождь

Струится тихий дождь на воды,
На тёмное стекло пруда,
Под низким-низким небосводом
Мерцает тёмная вода.

Купальня старая промокла,
Намокли лодка и трава,
В окне отпотевают стёкла
И мокнут у стены дрова.

В кустах черёмухи – шуршанье –
Там водяная пыль, как дым.
На крыше – капель бормотанье.
Мир пахнет деревом сырым.

День уползает, замирая,
Темнеет у ограды ель,
Под крышей старого сарая
Притих тяжелый старый шмель.

Нарисуйте мне осень:
Красный трамвай,
Жёлтые листья,
Серый дождь.
Пусть будет утро,
Часов восемь,
И ты меня ждёшь.
Сыграйте мне осень:
Ноктюрн Шопена,
Полумрак, рояль
В прокуренном зале.
Пусть будет вечер,
Часов восемь,
И мы прощаемся
На вокзале.

Эти листья, дерева,
Шорох дней, пустых и ломких,
Облетевшие слова,
Прозвучавшие негромко,

Заблудившийся туман,
Сумасшедший ветер влажный,
Снега майского обман,
Жизнь – кораблик мой бумажный,

Посреди ручьёв весной
И стихов нелепых завязь,
Прорастающих со мной
Через чью-то злость и зависть.

Это всё тебе одной:
Счастье, боль, любовь и муки.
Об одном прошу, друг мой,
Не забудь меня в разлуке.

Алёна Резанова

Алёна Сергеевна Резанова (Рабцевич) родилась в 1977 году в селе Парфёново Черемховского района. Закончила филологический факультет ИГУ. Работала заведующей Выставочным залом Усольского краеведческого музея, в настоящее время работает тренинг-менеджером в Учебном центре региональной компании. Публиковалась в коллективных сборниках и в городских газетах.

Он живёт с опозданием на три часа.
Он рождён с опозданием на десять лет.
Я увижу лишь то, что он написал,
А его, может быть, и на свете нет.

Эти буквы и смайлики без конца...
Эти шутки по-дружески, без обид...
Милый мальчик без голоса и лица...
Доступ к сердцу его паролем закрыт.

Я ослепла. Я не вижу дальше носа,
Дальше собственного глупого вопроса,
Дальше строчек, дальше точек, многоточий...
Я не вижу то, что дети видят точно.

Я не вижу дальше «нет» и «невозможно».
Я слепая, я ступаю осторожно,
Перед каждым шагом щупая пространство,
Натыкаясь на его непостоянство.

Я не вижу дальше слов и дальше тела.
Я ошиблась, я не этого хотела!
Я пыталась лишь не замечать плохого –
Неразумного, больного и кривого.

Закрывать глаза обычным было делом.
Разноцветный мир стал одиноко белым.
Всё неправильное, яркое поблекло.
Я не вижу больше мира, я ослепла.

Полюби меня стоящей на костре,
Постепенно утопающей в заре,
Постепенно уходящей навсегда,
Как упавшая – уставшая – звезда.

Полюби меня на миг и на века.
О судьбе моей расскажут облака.
Их язык простой нетрудно разгадать,
Просто нужно хоть немного помечтать:

Ты представь меня летящей в никуда,
Как померкшая для глаз людских звезда.
Иль ромашкою, застывшей среди полей,
Ты представь меня любою, но своей.

Полюби меня стоящей на костре,
Постепенно догорающей в заре.
Полюби меня, когда уже – пора...
Но прошу, слезами не залей костра.

Андрей Савельев

Андрей Андреевич Савельев родился в 1964 году в Иркутске. Окончил Железнодорожный техникум в городе Уфа с красным дипломом. Работал преподавателем уроков труда в школе, журналистом в газете «Усольские новости». Публиковался в городских газетах и журнале «Сибирь».

Охота на лис

Волков перебили, за лис принялись –
Как тяжело участвовать в этом!
С собою позвал школьный друг. Лучший из...
Он егерем стал, я – поэтом.

Я друга ценю, но на утро сказал:
«Мне жаль убивать чернобурок...»
А он усмехнулся. И руку пожал:
Езжай, мол, обратно, придурок.

Последний остался на ветке листок –
Не хочет срываться, хоть мёрзнет.
И я не хочу уезжать на восток
От друга последнего, может.

Спасибо за чай, за охоту на лис,
И пусть я вернулся без шкурок,
Мы как-нибудь снова в таёжный кризис
С тобой соберёмся... придурок.

А друг изменился: когда подопьёт,
Кропает стишки втихомолку.
«Стреляй же!» - кричу я, - Лисица уйдёт!»
Но он опускает двустволку.

Мисс Автостоп

В глуши, где упавший столб,
А также на супертрассе
Встречал я мисс Автостоп.
Стоит. Голосует. «Здравствуйте!»

Видать, на кухне потоп
Иль парень твой в наркотрансе...
Садись. Расспрошу потом,
Но только умом не тронься.

Рискуя разбить свой лоб,
Девчонка пошла на принцип –
Средь грязи, тюремных роб
Найти золотого принца.

Сама хороша, как топ –
Модель. Вот бы ей в столицу!
Зачем же она в Конотоп
Скорее уехать стремится.

Прости за лихой галоп,
За термосный суп из рулек,
За то, что я – твой холоп,
Который покорно рулит...

Ты вышла среди трущоб,
Где каждый второй ворует.
Тоска одному? Ещё б!
Печалит уход. Волнует...

С тех пор я не видел, чтоб
Стояла мисс Автостоп,
Но я – шальной остолоп –
Ищу следы её стоп.

Стоп! Стоп! Стоп! Стоп!

Пустой разлетится трёп,
Раздутый бульварной прессой,
О том, как мисс Авгостоп
Искала любви не пресной.

И где-то в плену Европ
Осталась с принцем-повесой.
Была ты мисс Авгостоп,
А стала просто принцессой.

Невена

Я помню Болгарии солнечный берег,
Напрасно он снова зовёт.
Уже не скопить на дорогу мне денег,
Туда, где Невена живёт.

На третье июня в душе перемена –
Тоскую по этому дню,
Когда без меня нестинарка Невена,
Разувшись, идёт по огню.

Обряд нестинарства воистину древний,
Хотя и сегодня красив.
Его мне открыла глухая деревня,
Вплетённая в горный массив.

С утра зазвучали гайдо и тимпаны,
Мужчины таскали дрова.
Огня языки расцвели, как тюльпаны,
Собрав экскурсантов у рва.

Играли волынки, дымилась арена
Из тысячи жарких углей.
Я замер, как только босая Невена
Ступила в горнило огней.

Цветов и монеток за риск не просила,
Но глянув на лица сквозь дым,
На танец, на белый, меня пригласила.
Иль спутала с кем «подсадным»?

Хвалу я воздам той ошибке у круга,
А ноги сожгу – не беда.
Ведь стану я первым туристом в округе,
Кого поцелует «звезда»!

Ступни ты, конечно, мои залечила
Какою-то мазью с травой.
Лишь рана на сердце неизлечима
От скорой разлуки с тобой.

В огне – старомодна, в любви –
современна,
Ты истина или обман?
Не свидеться нам уже больше, наверно:
Окончен курортный роман.

На третье июня в душе перемена,
С утра никому не звоню.
Грущу по тебе, нестинарка Невена,
А ноги грустят по огню.

Фоторобот

Нас оставил отец. Семья
Полуосиротела разом.
Был в ту пору младенцем я –
Беспокойным и кареглазым.

Чуть не каждую ночь кричал,
Будто звал беглеца вернуться.
Где сегодня его причал?
Кто спешит ему улыбнуться?

Мать призналась, мотая нить:
«Хороши оказались оба!
И не надо отца винить,
Он – казак. Гуляет до гроба.

Жалко снимки его сожгла
Все, что были в альбоме старом –
Помутился разум со зла...
Даже снится мне перестал он.

Унаследованную статью
В тебе вижу – аж сердцу тошно».
И добавила тихо мать:
«Стал ты вылитый батя – точно...»

«Диво, как на отца похож!» –
Молдаванка вослед сказала,
Словно в спину всадила нож,
Но держусь, иду до вокзала.

И лечу я куда-то в даль,
Свой рабочий меняя график,
Обнаружив одну деталь:
Не любил отец фотографий.

Обожал он сюжет живой,
Где березы, трава, скворечник...
Вырубаю я «телек» свой
И гляжу на прохожих встречных.

Нет родного нигде лица,
Хоть кричи средь жилых коробок:
«Помогите найти отца!
Я – его живой фоторобот».

Виктория Савина

Виктория Георгиевна Савина родилась в 1942 году в селе Тайтурка Иркутской области. Работала учителем истории, хореографом. Публиковалась в коллективных сборниках, городских газетах, в журналах «Сибирь», «Иркутский альманах».

Я видела сегодня снегиря,
Держал он в клюве веточку рябины.
На нём был шарф, алее, чем заря,
Спасающий от гриппа и ангины.

И было так ему сегодня хорошо:
Он песни пел и танцевал, вот диво!
Он снега ждал – и снег тотчас пошёл,
Как в сказке, хлопьями. Красиво!

Я видела сегодня снегиря,
Клевал он с ветки ягоды рябины...
«Ах, умница, - сказала тихо я, -
Клюй на здоровье, там ведь витамины».

Одуванчики

Одуванчиков семья –
Дедушка и бабушка,
Папа, мама, братик, я
И сестрёнка-лапушка.
Мы растём весной и летом,
Жёлтые, пушистые,
А у бабушки и деда
Кудри серебристые.

Знаю я, что у людей
Цвет таких же вот кудрей,
Серебристый цвет такой
Называют сединой.
– Кто седой, тот очень мудрый, -
Говорит моя родня.
И мои седеют кудри,
Значит, стану мудрым я!

Мальвы на усольской улице

На усольской улице,
Прямо за оградой
Празднично красуются,
Пешехода радуя,
Стройные, весёлые,
В небо засмотрелись,
Напитались соками,
Мальвы эти – прелесть!
Мальвы, мальвы, мальвы –
Таинство рождения...
Наблюдаю с мая я
Улицу в цветении.
Весь народ любит:
Как шкатулка лакова,
Маленькая улица
Имени Аксакова!
Как уютна милая,
Вы такую видели?
Улица любимая
Машиностроителей!
Будоражит чувства,
Что картина в зале,
Ярких красок буйство.
Кто сажал их – знаем.
Это тётя Рая
Из коттеджа пятого

Холит, поливает их
С весны семидесятого.
Приходите с радостью
Или, когда грустно вам,
С нежной благодарностью
Тёте Рае Шустовой.
Радуюсь уж сколько я
В мальвином саду:
Нам земля усольская
Дарит красоту!

Кони

Три часа уж подряд –
Голова к голове –
Молча кони стоят
На измятой траве.
Есть не хочется им
И не хочется пить –
Хорошо им двоим
Молчаливыми быть.
А вокруг – тишина,
Всё затихло, всё спит.
Молодая луна
Будто нам говорит:
«Если двое стоят
К голове голова,
О любви не кричат.
Ну зачем здесь слова?»
Это ж сколько они
Могут так простоять?
Это ж сколько они
Могут так промолчать?
Тихо кони стоят,
Но волнуется грудь,
И боятся заржать,
Чтоб любовь не спугнуть.

Край танцующих ельцов

Тихую прохладу утра
Разбудил весёлый всплеск,
Разыгрался перламутром
Чешуи ельцовой блеск.
Вот компания речная
Из блестящих близнецов,
Заводь, заводь голубая –
Край танцующих ельцов!
Над водою светлой леска
Замирает... Я гляжу,
И своё я вижу детство,
Где ельца я сторожу...
Сторожу. Елец игриво
Показался над волной,
Встал на хвост,
Такой счастливый,
И качает головой.
Плавниками, как руками,
Пригласил, сказав: «Сейчас
С серебристыми ельцами
Над водой закружим вальс».
Зазвучали флейты, скрипки,
И на зеркале реки
Упоительны и гибки
Были лёгкие прыжки.

Как пахнет воздух травами родными!
В ромашке каждой – музыка земли.
А нынче травы выросли густыми,
Целительною силой налились.
Здесь шелест насекомых, пчёл жужжанье,
Шмелей над цветоносами полёт,

Стрекоз полупрозрачных трепетанье...
И сенокос который год идёт.
Пропитанное солнцем жарким сено
Благоухает, словно бы елей.
Как трепетно я преклоню колена
И напою водою косарей.
Кормилица-земля, твоё терпенье
Лишь женщинам одним дано понять:
Густые травы – таинство рожденья,
Земля и женщина зовутся – Мать!

Сакура

Облако сакуры розовой,
Танка любви – пятистишие...
Ты под сибирскими грозами
Вновь расцвела, нежность пришлая.
Милый подарок весенний
От восходящего солнца –
Символ чужого племени,
Иероглиф с меча японца.
С поклоном и с извинением,
Как маленьких гейш шажки,
С майского повеления
Розовых вишен цветки!
Много их, цветик к цветику,
Образ зари оставила,
Изящная, без эклектики:
«У сакуры свои правила!».

Андрей Семёнов

Андрей Андреевич Семёнов родился в 1966 году в городе Усолье-Сибирское. Окончил УХТТ по специальности техник-электрик. Работал сторожем, электромонтером, художником-оформителем. Автор книги стихов «Метаморфозы» из серии «Барка поэтов». Публиковался в поэтических сборниках, городских газетах и журнале «Байкал».

Трилистник Байкальский

1

вы знаете как красива
моя любимая

как чернозём
как распластанная глина

как светлячок
журчащий ручейком

как суслик промелькнувший чрез костёр
потом жующий в цепких лапках вафлю

как придорожная трава
цепляющаяся за ваше поднебесье

нет Байкала волны
уносят мою милую за грань

моих сентиментальных представлений
глаза глядят но нету приближенья

опять сорвавшийся с долины вязкий ветер
пытается палатку придавить

я узнаю в колышущихся стеблях
и радость и печаль свою

2

там где гам волн
сух и гол
с моей милой я
на игольной листе сидел

слушал шорох нор
в небо глядел среди скал

улыбался солнцу
вдали кораблик замечал

проводил поцелуем закат
зачем

солнце ушло
дайте ему причал

3

и там где мы ищем
влюблённых их
слышится только их
кромешный «ах»

это место - лишь страх двоих
узнавших за горизонтом событий
крах

страх тревожит
эту подлунную зыбь
веки смежает любовь
растворив окно

можно увидеть мир
во всю ширь
в глубину

в глубине коридора
висит пальто

Виадук

Стоял на виадуке
Смотрел на поезда
Меня влечёт езда
На уходящем звуке

Но слух недосыгаем
До звука тех колёс
Которые сигают
В беззвёздье под откос

На грани преступления
С землёю на виске
Без всякого сомненья
Течёт вода в реке

Мне хочется очнуться
Оставить виадук
В реке той окунуться
Как в перекрестье рук

В дождевой тишине
Дверь становится толще

Часы чаще спотыкаются
На ровном месте

Подъезды светлее
А улицы чище

Асфальт в лужах
Дом в окнах

Я не слышу дождя
За окном тишина

Тень дерева
Тропинка в снегу
Не ходит
По ней
Луна
У неё
Короткие ноги
У меня ноги длиннее
И я
Иду по тропинке
Пока не сольюсь лбом
Или с луной
Или с деревом

Смешной весёлый мешковатый
как тополь. Безусловно он живой
Но затерялся беспомощно в непонимании
Срез кармы происходит
Неужто повторять всё заново?
«Слепая ласточка вернётся»...
Ты помнишь? Как падал лист
А за стеклом
Всё так же двигались деревья
Так память проступает
Звонок. И бытие изменит свою ось
А нам всё так же
Нужно
Нежно
Прислоняться
К стихии дерева
Ведь ты же помнишь как её зовут?
Ту Деву
Радужных Врат

Мой милый друг
Моих рук
Дрожь
Ты не увидишь

Они порхают и летят
Словно птицы
А облетают
Словно листья

Но я не дерево
И не небо

Меня не хватит на всех
Любящих осень

Поверь
Открой окна и дверь
И я с тобой

Но звёздным сквозняком
Меня уносит

Может быть и лёд
Водой
А трухлявая колода
Деревом
И вода
Паром
А дерево
Маленьким ростком
И без воды ему не подняться
А без земли
Не родиться жизни
И не умереть смерти

Светлана Синькова

Светлана Валентиновна Синькова родилась в 1974 году в Ангарске. В 1992 году окончила спецшколу для слепых и слабовидящих в Иркутске. Занимается общественно-политической деятельностью и пропагандой идеи Белого движения. Публиковалась в городских газетах и в журналах «Сибирь», «Первоцвет».

Возвращение Лаврецкого

Вижу я: унылый сад,
Прежде пышный и шумливый,
Сбросив наземь свой наряд,
Дремлет, тихий и сонливый;
Пруд, поросший камышом,
Мне в глаза глядит с укором,
Опустелый старый дом.
Пледы с выцветшим узором...
Как давно я не бывал
Там, где ранее резвился,
Вижу зеркала овал,
Он, скучая, запылится.
И, увы, угас камин,
Помогался я по свету,
И теперь совсем один,
Ни любви, ни счастья нету.
И не верится теперь,
Что когда-то жизнь кипела,
Заскрипев, открылась дверь,
Челядь принялась за дело.
Дом украсят, приберут,
Пруд почистят, сад подрежут...
Только счастья не вернут,
Только сердце не утешат.

Серенада

В аллеях забытого сада,
Мерцаньем луны озарённых,
Царила ночная прохлада,
И к ней из окон отворённых
Неслась в тишине серенада:
- Любовь моя жаждет награды!
И в голосе, полном печали,
Такие звучали рулады,
Каких соловьи не слышали
В пределах цветущей Гранады.
Но сердце молодой сеньориты
Заветным мольбам не внимало,
Увяли до срока ланиты,
Навек её жизнь покидала –
Надежды и грёзы разбиты.
Цветов неземным ароматом
Пел воздух, мечтой напоённый,
Не ведая горькой утраты,
Всё ждал кабальеро влюблённый
Явленья прекрасной Агаты.

Дивный сон

Мой дивный сон заря украла,
Что был навеян мне звездой –
Она с ночных небес взирала
И охраняла мой покой.
Зачем же тихое сиянье
Затмила алая заря?
Легчайшим облачком мечтанье
Погибло медленно горя.
Чудесный сон неуловимый
Исчез. Ему возврата нет,
Мерцанье звездочки любимой
Бесследно поглотил рассвет.

Николай Сиротенко

Николай Дмитриевич Сиротенко (1935-2008) родился в селе Сиротенки Полтавской области. Учился на историко-правовом факультете Дальневосточного государственного университета. Работал механиком, прорабом, начальником производственно-технического отдела треста «Иркутскспецстрой». Автор поэтических сборников «Искушение», «Лебединый луг». Публиковался в коллективных сборниках, городских и областных газетах, в журнале «Сибирь».

Всё – мимо.
Сёла, города,
Леса, поля, озёра, реки...
А ты стоишь, как символ некий,
Их провожая в никуда.

Всё – мимо:
Вертится Земля,
Плывут рассветы и закаты,
И нет отсчёта от нуля,
И нет нигде какой-то даты.

И что такое шар земной?
Одна молекула Вселенной,
Летающей в связке неизменной
В миры материи иной?

Всё – мимо.
Вертится Земля...

Есть в жизни косогоры, повороты,
Есть бездорожье, слякоть, гололёд.
Притормози, замедли обороты,
Ещё успеешь вырваться вперёд.

Пусть опыт есть, сопутствует удача,
Не торопись, других не обходи,
Ведь жизнь, —
Как с неизвестными задача,
Решение которой впереди.

Преодолев земное притяженье,
Безумно мчась к галактикам иным,
Не забывай, что ты своим рождением
Обязан людям,
Добрым и земным.

Возможно, в жизни многое познаешь,
Пусть будет путь твой
Светлым всякий час.
Но даже если к звёздам улетаешь,
Возьми для возвращения запас!

Ледоход

Река с потугами взломала
У края панцирь ледяной
И через сито чернотала
Плеснулась на берег волной.

И треск, и грохот, и шипенье
Вдруг покатилося по реке,
И напирает без стеснения
На льдину льдина вдалеке.

Пошёл, пошёл!
Ещё лениво,
Едва заметно ледоход!
А с гор несутся шаловливо
Потоки быстрых вешних вод!

Уже подтоплены низины,
И поплескаться на мели
Спустились к берегу осины,
Берёзы в воду забрели.

У самой кромки, на пенёчке, –
Весны бурливой добрый знак,
Преважный ворон-одиночка
Свой прихорашивает фрак.

Свой родник

Травостои, травостои,
Ни тропинок,
Ни дорог,
Не пройти травой густою,
Не пробраться через лог.

Мне бы крылья,
Мне бы крылья,
Чтобы к роще – напрямик.
Там я встретил, там открыл я
Свой единственный родник.

Жизни мало, чтоб напиться,
Чтобы жажду утолить.
Мало только лишь влюбиться,
Надо очень полюбить!..

Травостои, травостои,
Сенокосы у дубрав.
Дело самое простое –
Заблудиться среди трав.

В преддверии осени

В день осенний тепло растает.
Жёлтый лист понесёт река,
И прощусь с журавлиной стаей,
Уходящей за облака.
Перестроится клин пернатый,
Перекликнется в серой мгле,
Но не буду для них утратой
Я, оставшийся на земле.
Провожу их на крыльях мыслей
В путь далёкий, к теплу, на юг,
И на чувственном коромысле
Груз печали всплеснётся вдруг.
И не то, чтобы – грусть до боли.
И не то, чтобы – крик души.
И не то, чтобы мало воли...
Всё-то сразу и не решить.
Мне ниспослано здесь, в отчизне,
Тосковать у родных берёз.
Окольцованный прозой жизни,
Я к земле навсегда прирос.

Весна

Уже тепло.
Прострела просинь
На южном склоне разлилась,
Но грустен лес, как будто осень
Ещё удерживает власть.

Трава иссушена морозом,
Осины – чёрный сухостой,
И неумытые берёзы,
И неуютен лес пустой.

Лоза колышется упруго,
И небо хмурится с утра.
Собрались ёлки полукругом
У родника, как у костра.

А дальше чуть – старухи-ели,
Роняя иглы в рыхлый снег,
Как у неприбранной постели
Стоят угрюмо в полусне.

Но скоро щедрою рукою
Взмахнет весна,
И как салют,
Взовьётся в небо голубое
Душистых листьев изумруд.

Собачий инстинкт

Нет животного умнее,
Зверь совсем не прост.
Даже мысли скрыть умеет,
Но... Подводит хвост!

Хрустит от утренника мох,
Звенит ледок под сапогами.
А клюква!
Видеть кто бы мог –
Повсюду рдеет под ногами!

Я тонкий лёд беру в расчёт:
Под ним – бездонная трясина,
Она под кочками ещё
Мягка, как взбитая перина.

Иду, а рядом – журавли!
(Совсем не пуганная птица.)
Здесь ночь, должно быть, провели.
Чтоб в перелёте подкрепиться.

Прошу прощения у птиц:
Визит мой краток на болота.
Я им, не знающим границ,
Желаю лёгкого полёта!

Весеннее

Утром холодно, к вечеру тает;
У весны, как всегда, канитель.
По ресницам сосулек стекает
Отогретая за день капель.
Воробьи бултыхаются в луже,
И во всю воробьиную прыть,
Как утята, нисколько не хуже,
Понарошку пытаются плыть.
А воды – воробью по колено –
Скуповаты от снега ручьи.
Но заметны во всём перемены,
И уже... прилетели грачи.

Олег Сурусин

Олег Владимирович Сурусин родился в 1959 году. Окончил УХТТ. Работает корреспондентом в газете «Усольские новости и мировые репортажи». Автор сборника стихов «Изнанка» (2003). Публиковался в коллективных сборниках, городских газетах и в журнале «Сибирь».

Считалка

Ем на кухне макароны,
А в окно глядят вороны.

Я из шкафа втихомолку
Достаю ружьё – двустволку.

Заряжаю два патрона
И стреляю по воронам...

Загалдели – улетели,
Жду их снова на неделе.

Восприятие

Старый дом умыт дождём,
На асфальте листья...
Мы опять чего-то ждём,
В поле осень лисья.
А за ней грядёт зима,
Как обычно, волчья:
Потемневшие дома,
В небе тучи-клочья...
Каждый день добро и зло
В жизни замечаем.
Мир такой, каким его
Мы воспринимаем...

Черта

Ташусь по жизни старой клячей.
В душе и сердце – пустота...
Не научился жить иначе,
А впереди уже черта.

Мир за чертой безлик, бесцветен,
И звуки кто-то усыпил.
Я подошёл и не заметил,
Как за черту переступил...

И в прежний мир уже не двинешь:
Нас разделяет та черта.
И тут я понял: «Это – финиш,
Пора оплачивать счета...».

Синица

Я на кухне режу сало
На закуску. Сала мало.
Под столом голодный кот
Шкурку сальную жуёт.

Мне в окно стучит синица –
Просит сальцем поделиться!

Брось, синица, суетиться,
Жизнь, по сути, суета.
Мне бы только похмелиться
Спиртом в обществе кота.

Я отдал синице сало:
Пусть потешится сейчас.
Мне его, в натуре, мало,
А для птицы – в самый раз.

Обжигая горло спиртом,
Сам небритый, без креста,
Выпиваю четверть литра
Под мяуканье кота...

Мартовское

На улицах и в душах тает снег
От солнечного мартовского взгляда.
Зиме конец, весенняя декада
Стартует в Новый год и новый век.

Мы как бы прозреваем и трезвеем,
Забыты карты, пиво и футбол.
И наш прекрасный слабый женский пол
Становится нам ближе и роднее.

Внутри царит весенняя истома,
Но редко кто решит сознаться в том,
Что хочется стать мартовским котом
И петь всю ночь рулады под балконом.

Или-или

Смотри под ноги,
Чтоб кого не задавить!
Гляди вокруг,
Чтоб вдруг не задавили...
И кто ты в этом мире:
Враг или друг?
Где выбор за тобою –
Или-или...

Владимир Тихомиров

Владимир Николаевич Тихомиров (1960 – 2009) родился в Твери. Работал в иркутском управлении «Сибтеплоизоляция». Публиковался в коллективных сборниках, городских газетах и в журнале «Сибирь».

Чудак

Он жил в своём – особом мире.
Среди друзей слыл чудаком...
Но дома – в крохотной квартире,
Преображался целиком...
Работал, словно одержимый...
Тайком от посторонних глаз,
Он рисовал черты любимой
И, вдохновляясь, каждый раз –
Был окрылён одной надеждой,
Что холст бездушный оживёт,
И с полотна к нему сойдёт
Она походкой безмятежной.

То ухаб, то буераки
На извилистом пути,
А дворовые собаки
Скалят зубы – не войти.

Расползается телега,
Лошадь выбилась из сил.
Нет приюта, нет ночлега,
У кого бы ни спросил.

Жизни мета не простая
На моём лежит челе.
Суждена мне доля злая –
Быть гонимым на земле.

Балагур и весельчак,
Он не знает скуки.
Он, ребята, не простак –
Мастер на все руки.
Видит в малом торжество
Начатого дела.
Он работает легко,
С толком и умело.
А работу завершив,
Произносит веско:
«Там, где часть вложил души,
Не годится спешка».

В цветных тонах я представлял
Жизнь, посланную мне.
Не испытал судьбы оскал,
Шёл смело по земле.
И взгляд прямее правды был,
Наивною – душа.
Я с верой в справедливость жил,
Той верой дорожа.
Но принцип жизни чуть иной,
Сводящий взгляд на «нет».
Мой мир, до времени цветной,
Обрёл вдруг серый цвет.

Вот сюжетик для гравюры:
Старый дед сидит понуро
У открытого окна.
Глянул в небо – там Луна
Сверху смотрит испуганно.
Собеседника в ночи,
Видно, ищет и кричит
Светом неопределённым.
И во взгляде старика
Отражается... тоска,
Что соединила прочно
Их беззвёздной этой ночью.

Под диском солнца распятого,
Под сверкающим нимбом его
Виноватее виноватого,
Я один – не пойму, отчего?
Отчего так страдаю и мучаю
Свою душу в безмерной тоске,
Неужели мне долею лучшею –
Метка смерти на бледном виске?
Неужели судьба моя мерится
Тем отрезком, где беды одни?
Может, всё-таки счастье осмелится
Улыбнуться в последние дни?..

Евгений Тихонов

Евгений Николаевич Тихонов (1932-2006) родился в Донецке. Работал учителем истории. Публиковался в городских и районных газетах. Автор сборника стихов «Была война».

Эшелоны

День и ночь вдоль нашего перрона,
Высекая искры под собой,
Эшелон спешил за эшелоном
С техникой для фронта боевой.

Пролетали с грохотом теплушки,
Мы их выходили проводить,
И крестились, прослезясь, старушки:
«Дай-то Бог, фашистов победить».

А составы, растянувшись лентой,
Вздрагивали нервно на бегу,
До поры скрывая под брезентом
Смертный «дар» заклтому врагу.

У репродуктора

Вечерами поздними, усталые,
трудности дневные пережив,
собирались старые и малые,
репродуктор поскорей включив.
Замирала комнатуха тесная,
прятал трубку дедушка Степан...
«На фронтах бои значенья
местного», –
нам вещал сурово Левитан.

Расходились грустною походкою,
шли в дома холодные свои,
твёрдо зная, что за краткой
сводкою
скрыты жесточайшие бои.

Ещё вчера мы грязь месили,
Сегодня – снежная метель.
Такой всегда у нас в России
Капризный, как дитя, апрель.
Вчера лучи ласкали кожу,
Сегодня на ветру дрожим
И чертыхаемся... Но всё же
Сибирь желаннее, чем Крым.

Обелиск

Не где-нибудь,
а здесь,
у нас,
в Мальте,
они росли,
работали
и жили...
И много лет назад
солдаты те
в борьбе с фашизмом
головы сложили.
И Чанцев,
и Терентьев,
и Сухих,
и остальные
воины-сельчане...
И нет теперь

безданных среди них,
прошедших ад
военных испытаний.
Сквозь дым атак,
презрев снарядов визг,
в бессмертие
герои уходили...
Стоит в Мальте
бетонный обелиск,
в честь тех, кто стал
строкой народной были.

Встреча

Пришёл солдат с войны.
Он дома
 сдержан волнения
 не смог.
Всё было здесь ему
 знакомо:
 и печь,
 и мебель,
 и порог.
И ойкнув тоненько,
 слабея,
 особой нежности полна,
солдату бросилась на шею
 его счастливая
 жена.
Ах, эти радостные
 встречи
в тот сорок пятый
 светлый год!..
Муж целовал ей
 щёки,
 плечи

и брови чёрные вразлёт.
А рядом
 в латаных штанишках,
игрушки бросив
 на крыльце,
стоял
 растерянный парнишка
с недоумением на лице.
Родившись летом в сорок первом,
почти пять лет
 не знал малец,
какой он из себя,
 примерно,
родная кровь –
 его отец.
Глядел мальчонка
 на мужчину,
не понимая до конца,
что тот пришёл
 к жене
 и к сыну,
к нему – не знавшему отца.

В День Победы

Когда приходит праздник –
День Победы,
и радуется зеленой весна,
не торопясь, отцы
и наши деды
тотчас же надевают ордена.
Сверкают, будто золото, награды,
рядами разместившись на груди.
И вспоминают старые солдаты
далёкие военные пути.
И оживает в памяти надёжной

защитников Кавказа и Орла
святая сила ненависти грозной,
что их в Берлин когда-то привела.
Герои Крыма, Керчи, Сталинграда
не вычеркнут из памяти своей
ни визга пуль, ни грома канонады,
ни павших на полях войны друзей.
Припомнят в этот день отцы и деды
былое лихолетие сполна,
и потому на празднике Победы
на их груди сверкают ордена.

Еланская лирическая

Умыли землю росы тихой ранью,
Светлеет на востоке небосвод.
И солнце золотое над Еланью
Торжественно и радостно плывёт.
А за селом на поле колосится,
Усы расправив бравые, ячмень.
И трели рассыпают в небе птицы,
Встречая пробуждающийся день.
Мой милый, мы с тобой на этом поле
Не зря встречали летнюю зарю!
И стало мне оно родным до боли,
И я тебя за то благодарю.
Мы в этом поле много раз мечтали
О будущем, о счастье, о любви.
Я вновь сюда приду, забыв печали,
Ты только, мой любимый, позови.
Смеется щедро солнце над Еланью –
Над родиной, над малою моей.
Никак нельзя привыкнуть к расставанью,
Когда моя любовь его сильней.

Зимнее

Кругом снега, снега, снега.
В морозной дымке дали.
Руки озябнувшей дуга
Под пухом снежной шали.
И ленты длинные дорог,
И улиц людных стрелы,
И лес, что с осени продрог, -
От снега нынче белы.
Повсюду царствует зима,
А ей – немалы сроки.
И невзначай душа сама
Стихов рождает строки.

9 мая 1945 года

Весь в грудах битого металла
и ставший кладбищем руин,
в тот день безропотно, устало
лежал поверженный Берлин.
Сияла гладь небесной сини,
салют Победы в небе плыл,
чтоб на планете всей отныне
его никто не повторил.

Валерий Туровец

Валерий Анатольевич Туровец родился в 1961 году в городе Лысьва Пермской области. Закончил ВСГИК в Улан-Удэ по специальности методист-организатор. Работал художником в сельском доме культуры, директором в ДК «ЗГО», режиссёром в ДК «Мир», аппаратчиком на ООО «Усольехимпром». Публиковался в городских газетах, в коллективных сборниках, журналах «Сибирь», «Иркутский альманах».

Со страхом, с верой потаённой
Так ждали все его приход,
И птицей вещей по району
Летело: «Почтальон идёт!»
И спрашивали только взглядом,
И часто взгляд немой – в ответ.
И несказанно были рады:
- Сегодня похоронок нет
Но были редкие мгновенья:
Как фокусник из рукава
Рывком, на пике вдохновенья –
Он треугольник доставал.
И пахло порохом и дымом,
И слышался далёкий бой,
Снаряды – мимо, пули – мимо
От слов письма: «Любимый мой!».
Всяк норовил перекрестится
Уже отвыкшею рукой,
А почтальон, не глядя в лица,
Ворчал: «До фронта далеко».
Письмо чужое, как ребёнка,
От радости к груди прижав,
Всплакнёт... А следом – похоронка
Придёт, на сутки опоздав...

Постучи в моё окно,
Даже если нет в нём света,
Из него приход рассвета
Так походит на кино.
Постучи в моё окно,
Даже если нет в нём света,
А завязка для сюжета
Мной придумана давно.
Постучи в моё окно,
Даже если нет в нём света,
Так нетрудно сделать это,
Ты не спутаешь – оно
Не умыто, не согрето.
Постучи в моё окно,
Даже если нет в нём света,
Даже если сам я где-то,
Даже если знаешь это,
Постучи мне всё равно.

Назову тебя лебёдушкой, а ты –
Крылья белые расправишь, улетишь
К своей стае, в сине небо упорхнёшь
И в дали его навеки пропадёшь.
Назову тебя берёзкой – белый ствол,
А тебя однажды свалит злой топор.
Я заплачу, будут слёзы горячи,
И сгоришь ты синим пламенем в печи.
Назову тебя звездой голубой,
А тебя откроет кто-нибудь другой,
Имя новое придумает он сам,
Лишь ему светить ты будешь по ночам.
Но заигрывать не стану я с судьбой,
Оставайся лучше ты сама собой.

Что подарить вам в этот день,
Себе ломаю голову.
Я в мае бы принёс сирень,
А нынче она голая.
Дурманящих цветов букет
Принёс бы среди лета,
А нынче только серый снег,
И нет другого цвета.
Не подарить ли вам весну.
(Она ничья пока.)
Весну найду и принесу
На собственных руках.
Не подарить ли вам капель
Серебряной сосульки,
Она звенит, как будто Лель
Играет для Снегурки.

Песня мартовской кошки

Не боясь промокнуть, позабыть про возраст,
Пробежусь по лужам, чтоб фонтан из брызг.
Пусть осудит кто-то – это несерьёзно,
Просто очень нужно – это мой каприз.
Я могу испортить новую причёску,
Хочется мне ветру заглянуть в лицо.
Все советы к чёрту, мне меняться поздно,
Вертится кассета про любовь-кольцо.
Наберу в ладоши слёзы от сосулук
И с улыбкой смою яркий макияж.
День такой хороший, он меня тревожит,
Стало быть, со мною – мартовский кураж.
Вон проходит мимо, он в очках, в заботах,
Встретились глазами – сделан первый ход.
Так необъяснимо тянет на охоту.
Мы слегка знакомы... Значит, не уйдёт.

Помолись за меня, помолись,
Дай мне силы остановиться,
Со своей дороги не сбиться,
Не сорваться с карниза вниз,
Помолись за меня, помолись.
Помоги мне душою оттаять
И настрой на святое память,
И хоть раз, уходя, оглянись,
Помолись за меня, помолись.
Научи меня состраданию,
Одари своей щедрой дланью,
Своей верою поделись,
Помолись за меня, помолись.
«Не судите, да не судимы...»
Ну, а как быть с грехами моими?
Сосчитай их, не поленись,
Помолись за меня, помолись.
И тогда, может, я воскресну
И спою свою лучшую песню,
Только ты не кляни, не клянись,
Помолись за меня, помолись.

Женщина-осень, не в возрасте вовсе –
По состоянью души,
Но, между прочим, зимние ночи,
С ней, как ни с кем, хороши.
В ней есть прохлада райского сада,
Кто не поймёт?
Да и отрада, как только надо –
Тихо уйдёт,
Женщина-осень

В ней всё приятно, с ней всё понятно,
Гладь сплошь да тишь.
За ней – безоглядно б, только обратно
Не улетишь.

Нет в ней излишеств, сердцем услышит
За семь морей.
В ранге различий «Ваших величеств»
Первый – за ней,
Женщиной-осень.

В ней осторожность, как невозможность
Ей изменять, –
Это не сложно. Я, если можно,
Буду вас звать –
Женщина-осень.

Что наша жизнь? Сплошной кредит,
Так получается.
Увидел свет – и счёт открыт,
С вас причитается.
Еще не ясно, что и как,
А цифры щёлкают.
Твой каждый вздох и каждый шаг
Считают, сколько их.
И в этот счёт заносят всё
Без исключения,
Ты проиграл? – Тебе везёт –
На исчисление.
Крадёшь, по-совести живёшь,
Кому как можется,
И миллион, и медный грош
В копилку сложатся.

Вы не слышали, как шепчут кулисы
Ночью на сцене пустой.
Их не касались большие артисты,
Только лишь мы с тобой.

Вам не случилось в шёпоте этом
Что-то услышать своё.
Сцена заполнена розовым светом
И источает тепло.

Вторят кулисам падуги сверху,
Занавес тихо ворчит,
Вам не случилось слушать, наверно,
Их разговоры в ночи.

Их разговоры с тихой грустью
В общем-то просто понять.
Пусть в настоящий театр их не пустят,
Им остаётся мечтать.

Заблудился в любви,
 верный курс потерял.
Я, как компасу,
 чаще душе доверял,
Подводили глаза –
 миражи, миражи...
Где ты, верный маяк?
 Покажи, подскажи.
Параллелями чувств,
 широкою страстей
Я прокладывал путь
 к самой лучшей своей,

Но вмешался сомнения
 меридиан,
Сел на мель мой корабль,
 оплошал капитан.
Сердце било в эфир безнадёжное
 «SOS»,
Но спасатель пришёл и спросил:
 «Что стряслось?»
Как ему объяснить,
 что ему рассказать?
Спас – и ладно,
 а мне бы корабль залатать
И без помощи
 эвакуатора
Как-нибудь догрести
 до экватора.

Людмила Феч

Людмила Ивановна Феч родилась в 1947 году в селе Михайловка Черемховского района. Окончила факультет журналистики Университета марксизма-ленинизма. Работала воспитателем в детском саду. Публиковалась в городских поэтических сборниках, городских газетах и в журнале «Иркутский альманах».

Первый иней

Первый иней выпал на поникшей ниве,
Хрусталём украсив чёрные поля.
Солнце за холмами трёт глаза лениво,
Под морозцем первым съёжилась земля.

На ветвях рябины выступил румянец.
Покраснел смущённо чуть озябший лес.
Ёлочек иголки навели свой глянец...
Друг мой! Полюбуйся, сколько здесь чудес!

В городе морозец тоже задержался,
Выбелил заборы, крыши, тополя,
Приморозил листья, к лужицам прижался,
Отпечатав в льдинках: «Здравствуй, вот и я!»

Спустился вечер в чуть продрогший город
С чернично-фиолетовых небес.
И тишь пугает нас безмолвным хором,
И мрачен в сумерках еловый лес.
А Бирюса обледенелым плёсом
Звенит. Шуршит плывущая кора.
И странный город, город на колёсах,
Ещё не спит, хотя давно пора.

Он светится квадратами оконцев,
Луна склонилась феею над ним.
В квадрате каждом – маленькое солнце,
Что зажигают Братск и Усть-Илимск.
Но ярче солнца светится улыбка
Счастливой женщины, качающей дитя,
Размерен такт, и плавно ходит зыбка,
И льётся песня, из души летя.

Отчий дом

Уходит малый, словно вор,
Тайком покинув дом,
В надежде обрести простор
И поселиться в нём.

Не видя на пути засад,
Помчится напролом.
И, частокол приняв за сад,
В него упрётся лбом.

Но «лбом стены не прошибёшь», –
Пословица гласит.
Везде, куда ни повернёшь,
Дамоклов меч висит...

Погибнуть суждено во мгле
Забывшему о том –
Защитой служит на земле –
Один лишь отчий дом!

Июль

Люблю июль за тополиный пух –
Парящих в воздухе созвездий мириады.
От плавного полёта млеет дух,
Движеньё их – моим глазам отрада.

Пух мне щекочет щёки и виски.
От близости такой дохнуть не смею:
Малейший вздох – и ветерка тиски
Идиллию блаженства вмиг рассеют.

Плачет осень

Плачет осень радужными листьями,
Голосит, к земле прильнув травой,
Прикрываясь веткою ли, кистью ли,
Чтоб никто не видел. Грозовой
Хлещет ливень с неба озверевшего
И шлифует землю под гранит.
Так рыдает мать осиротевшая!
Листьев ливень льёт! Не сохранит
Разноцветье радуги. У осени
Остаётся мраморно-седой –
Цвет печали да небесной просини –
Самоцветы глаз. Святой водой
Стали слёзы. Сорванными листьями
Устилая землю до весны,
Бьёт поклоны осень, веря истово,
Что вернуться к матери сыны.

А я лечу...

Любимый мой! Прошу простить меня
За то, что мы не поняли друг друга,
За то, что след порошей замела
На взлётной полосе обиды вьюга.
И, поднимая вьюжные снега,
Из года в год замороженным кругом
Ведёт во тьме судьбы моей пурга,
Чтоб мы с тобой не встретили друг друга.
Напрасен крик тоскующей души,
И зов моей любви ты не услышишь.

Безмолвья крепость мне не сокрушить,
И я лечу все выше, выше, выше...
Наш первый май, черёмуховый рай,
Вдруг обернулся вечным царством снега,
Но я лечу в тобой забытый край,
Где властвует любви и быль, и небыль!

Зимняя ласка

Хоровод берёзок.
А среди них сосёнка
Приотилась с краю,
Словно сирота.
Ту сосну ласкает
Белая позёмка,
Как ласкает младших
Старшая сестра.
То слегка прикроет,
То присыплет ножку,
То на ветви брызнет
Снежным порошком...
И сосне от ласки
Всё ж теплей немножко,
Хоть стучит морозец
Звонким посошком.

Ольга Чуйкина

Ольга Леонидовна Чуйкина родилась в 1943 году в селе Сотниковское Ставропольского края. Окончила педучилище. Работала воспитателем детского сада, заместителем начальника ЖКО. Публиковалась в коллективных сборниках и городских газетах.

Осень виновата

Облака повисли, словно вата.
Ветер кружит листьев карусели.
Это только осень виновата,
Что с деревьев листья облетели.

Это только осень виновата,
Что дождями сыплет непогода.
Под одним зонтом с тобой когда-то
Мы встречали это время года.

Нас судьба с рассвета до заката
Золотом осенним повенчала.
Это только осень виновата:
Жизнь не повторяется сначала...

Мой город

В каком бы ни бывала я краю,
Рассыпчатая горстка белой соли
Тотчас напомнит Родину мою,
Сибирский край, любимое Усолье.

Рабочий скромный город небольшой
На берегу у дочери Байкала,
К реке я этой приросла душой,
Таких прекрасных рек на свете мало.

Весна

Половодье, половодье – вешняя распутица...
Всё вокруг зазеленеет, деревья распустятся.
Над лугами пар повиснет шапкой-невидимкою,
Заструится пряный воздух синеватой дымкою.
Распахну окно навстречу вешнему дыханию,
Пусть разбудит свежий ветер спящее сознание.
Солнце в комнату ворвётся золотыми стрелами,
И любовь в душе проснётся чувствами несмелыми.
Побегу весне навстречу, распахну объятия,
Заиграет ветер в складках шёлкового платья.
Зов сердечка ты услышишь через расстояния –
Полетишь на крыльях к месту нашего свидания.

Веточка вербы

Веточка вербы, пушистый цветок,
Пахнет весной и немножечко снегом.
В ней пробуждается первый росток,
Вслед за ручьёв говорливых набегом.

Словно боясь, что вернётся зима,
Верба серебряным пухом оделась,
Талой водою умылась сама,
Светом весеннего солнца согрелась.

Издревле Русь освящала её,
Ветками Господа путь устилая.
И воскресению имя своё
Верба дала, на века прославляя.

Жизнь моя кружится каруселью,
К старости всё ускоряя бег.
Кажется, давно ль над колыбелью
Я склонялась, не смыкая век.

Кажется, давно ли провожала
В первый класс сынишку на урок,
Дочери косички заплетала,
Торопилась, чтоб добраться в срок.

А в саду меня встречали дети,
Шумная весёлая семья.
Нынче отдала бы всё на свете,
Чтоб на миг там оказалась я.

Ночь

В доме электричество погасло –
Только тёплый огонёк свечи.
Тает парафиновое масло,
Освещая комнату в ночи.

И по стенам трепетные тени
Кружат в лёгком танце не спеша.
Пред иконой встану на колени –
Господу откроется душа.

Помолившись и в грехах покаясь,
 Попрошу я Господа помочь,
 Вечными заботами не маясь,
 Отдохнуть, прогнав печали прочь.

Марина Шамсутдинова

Марина Сагитовна Шамсутдинова родилась в 1975 году в Иркутске. Окончила школу в городе Усолье-Сибирское. Окончила Литературный институт в Москве. Автор сборников стихов: «Солнце веры» (2003), «Нарисованный голос» (2007), «Дань за 12 лет» (2010), «Стихи» (2011). Печаталась в журналах «Сибирь», «Созвездие дружбы», «Первоцвет», «Огни Кузбасса», «Московский вестник», «Викинг», «Литературная Вена» и в др. Член Союза писателей России, Союза писателей XXI века, Академии поэзии.

Евразийка

1.

На пластилинном серо-голубом,
На неподъёмном шарике старинном
Летел в пространство сизым голубком
Мой предок дальний на коне былинном.
Волной неслась несметная орда,
Смывая городки и города.
Сшибались, падали и вновь разъединялись.
Вдаль уходили – дети появлялись...

2.

Я – Евразийка, всем гожусь в невесты.
В скелете тонком моим генам тесно.
Меня прабабки круто замесили
На пересылках кочевой России.
Народы в поисках всё той же лучшей доли,
В таёжных приисках, на стройках и в забое.
С земных глубин вздымается порода,
В одну сливается вся уймаща народа.
Все вплавились в меня, сваялись и сплелись.
Такая даль во мне, попробуй, оглянись!

Русак

Может, сказка топает за полем
Да бежит по жниве русый заяц.
Ничего ты, миленький, не понял,
Не брюнет, не лысый, не китаец...
Просто синеглазый мой мальчишка,
С юными случайными прыщами,
На лице синяк, а может, шишка,
Любим вас таких, таких прощаем.
Всех прощаем, где иных набратся,
Русый, мой русак, любимый заяц,
Станем спорить, драться, целоваться,
Ни брюнет, ни лысый, ни китаец...
Мой воитель – воин-охранитель,
Верный оградитель мой от страха,
Словно сказки русской светлый житель –
Русый чуб да красная рубаха.
Не рубаха – рыжая футболка,
Не кольчуга – камуфляжный китель,
Берцы, стрельбы, смена, самоволка –
Сердца беспардонный похититель.
Скупое вас рождает наши пашни,
Не хватает русого в природе.
Милый мой, не пришлый, не вчерашний,
Русый огонёк в честном народе.

Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда...

А.С. Пушкин

Как беда нахлынет
Чёрною водой,
Станет на губах полыньёю,
Горькой лебедой.

Соберу в кружок я стаю
Резвых птиц.
Воробьишек привечаю
И синиц.
След петляет по дорожке
Не простой.
Я насыпаю щедро крошки,
Милый мой.
Пусть развеют озорные,
Расклюют.
Все дела мои пустые,
Весь уют.
Божьим именем скликаю
В хоровод.
Божьих птичек в Божью стаю
Круглый год.
Накормлю их без вопросов,
Милый мой,
Хлебом белым, чистым просом,
Чередой.
И отступит тьма седая
В тот же час,
Птичий щебет, Божья стая –
Бог за нас.

Сонет

Колокольчиком слух разносится,
Слава сплетнею на окне.
И полощет разноголосица
Языками да обо мне.
Не расколешь жизнь, как горошину,
А покатится – не найдёшь.
И полюбишь-то не хорошего,
А по любви милый хорош.

Обесценишься – куда денешься,
Расплескаешься досуха,
И очутишься медной денежкой
На ладони у дурака;
Разменяешься медной мелочью,
Медной сдачею с пятака.

Верните женщину в Любовь,
Она простит вам всё на свете,
Шутя подсядет на морковь
И отощает на диете.
Достаньте Солнце и Луну,
Дарите звёздные алмазы,
Всё вам простит, не обману,
И не поймёт, что это стразы...
Верните женщину Любви,
Пусть на мгновенье, но верните,
Пусть будут слёзы до крови...
Потом на цыпочках уйдите...

Я стою под камнепадом

Я стою под камнепадом,
Между Раем, между Адом,
Камни налетают градом,
Только мелкие в меня.
Крупные отводит взглядом
Ангел в пелене огня.
Может мама молодая,
Глаз ночами не смыкая,
Помолилась за меня.
Может бабушка Матрёна,
Из созвездья Ориона
Бережёт день ото дня.

Камни стали как снежинки,
И не страшно жить Маринке,
Не трагедии – слезинки,
Всё закруглено...
Длится нитка родовая,
Между Адом, между Раем,
Не обрывная, живая...
Я – веретено...

В защиту таёжного леса

Тайга лежала раскрасавицей,
Медвежьей шкурой меховой,
С такой и гребень-то не справится,
Пожар лишь только верховой.

Попалит шкурку. Глянь, в горельнике
Такой, смотреть не надоест:
Встаёт в багульнике и ельнике
Таёжный лес, надёжный лес.

Прошла эпоха одиночников,
В тайгу с двуручной пилой
Уже не ходят, полуночников
Манит туда доход иной.

Не за избою пятистенною,
Не за дровами в пять кубов,
А тех, кто ширь её бесценную
Спустить задёшево готов.

...Я помню город, соль за городом,
Рассвет над шумной Ангарой,
А вдалеке, за водным воротом
Заросший сопочник густой.

Сейчас там плешь, и нет художника
Запечатлеть пустой пейзаж.
Беснуюсь на манер острожника,
А, может, это глупь и блажь?

Зачем наследство заповедное
Нам жжёт от жадности нутро?
Хотеть ведь, кажется, не вредно?
У кошелька двойное дно?

Распродадим, располыхаем,
Достанем, спишем, растрясём.
Так Авеля прикончил Каин,
Так буриданов сдох осёл!

И шкура леса заплешивеет,
Облезет, зарастёт пеньём.
Народ сопьётся и завшивеет,
А мы ему ещё нальём,

Чтоб спал в угаре, беспечальный,
Смотрел, пока не надоест,
Тот сон, где плещется бескрайний,
Бесценный лес, таёжный лес.

Хочешь, я стану твоей Украиной, а ты – Россией.
Не удивляйся, маленький, не плачь.
Ты вырастешь быстро и станешь таким сильным,
Что удивится дяденька палач.
Твой русский выучу, ты вспомнишь мой украинский.
Матуся, мама, хлеб и хлеб похож.
Смотри, волна морской волны касается.
Мы ближе, нас водой не разольёшь.

Дома у нас стоят в одной станице,
Незыблемой, чтоб ворог не забыл.
Одной летят над нами к дому птицы
Окраиной... от Польши до Курил.

Картинка из будущего

*Пока существуют границы,
Мы все ещё доисторические...
Настоящая история начнётся,
Когда не будет границ.*

Евг.Евтушенко

Бесконечная безграничность
Там возможна, где нет границ.
Земля – ягодка голубичная,
Лишь крупинка меж звёздных птиц.
Мы отправимся пластилиновые
Земли новые открывать,
И планеты пахать целинные,
Синих негров себе покорять.
Феодальное рабовладительство.
Вновь мечом обращать ко Христу
Просвещённое человечество
Будет новую Землю ту.
Перемешана, перекроена
Вся вселенная под замком
Пограничным. Надёжно устроено,
Всё в пространстве разделено том.
Но в одном кабаке синюшечном
На задрипанной ZET No 5
Будет сын по брелку игрушечному
Землю-матушку вспоминать.

Сибирь

Есть такая страна – Бог. Россия граничит с ней.

Марина Цветаева

Кровью белых берёз перелески залиты зимою.
Пар молочный туманом взлетает под самый восход.
Изваляюсь в снегу, этой липкой измажусь смолою.
Без добычи вернусь, как домашний зажравшийся кот.
Наше Небо – для сильных, для гордых – наш Лес, наше
Поле,
Где, кричи – не кричи, только леший ответит: «Ау».
Как цепная собака, Москва замерла на приколе,
А Сибирь не загонишь в бетонную конуру.

Горы здесь достают до десятой звезды. Небоскрёбом
До такой высоты не взлететь даже в тяжком прыжке.
Горловым своим криком, прокуренным, спившимся нёбом
Не обляять такую махину, не слямзить в мешке.

Переждём, отстранимся, уйдём от греха и от смрада,
По медвежьим углам да в сибирской дремотной тайге.
Здесь пройдёт оборона последней страды Сталинграда.
По сибирской, по русской, как Божия вена, – реке!

А пока апокалипсис

А пока апокалипсис апоплексично-тактичен,
Жар от казни египетской гасит ливийской водой,
Как его не крути, шар земной ограничен,
Неглубок и горяч, сколько бункер не рой.

А пока апокалипсис вскормлен недаром
На картошке израильской, на аргентинском зерне.
И привиделась мне моя Русь в превентивных ударах,
Уходящая в лес с малышом на горбатой спине.

Светлана Шегебаева (Пяткина)

Светлана Вячеславовна Шегебаева (Пяткина) родилась в 1967 году в городе Дивногорске Красноярского края. Окончила филфак ИГУ. Работала учителем русского языка и литературы, в настоящее время является главным специалистом по проведению мероприятий в ОГАУ «Иркутский Дом литераторов». Публиковалась в коллективных сборниках, городских и областных газетах, в журналах «Сибирь» и «Первоцвет». Автор сборников стихов «Горпинка», «По тонкому лучу». Член Союза писателей России.

Загляни в моё окно.
Поздно или рано
Белой ночи полотном
Забинтую раны.

Вперехлёт, как в вперестук,
Наложу повязки:
Ты мой нежный, добрый друг,
Сказочник из сказки...

Я не верила словам,
Верила поступкам.
Что доверено устам
Было – было хрупко.

Ты прости. Прости меня
Позднюю метелью.
Ветром, гривую коня,
Жесткою постелью –

Не сама себе ткала,
Не плела покрова.
Я невольною была
Пленницей слова....

Вот мой портрет.
Мне только двадцать лет.
Ещё глаза чисты, неосторожны.
Сомнений нет, сужденья непреложны,
И ощущение близкой смерти нет.

А вот в стихах уже была тоска
Немыслимых, отчаянных прозрений.
И между строк у тех стихотворений
Угадывалось дуло у виска....

Теряем мы не просто матерей –
Ведь в нас они свои вложили души...
При маме мир был лучше и добрей –
И сами мы намного были лучше...

Взрослея и годами, и умом,
Мы неостановимо матереем...
Но в мире – опустелом, ледяном –
Без мамы мы стремительно стареем.

А дни летят... как стая птиц, летят -
Бессмертны мы бываем только в детстве!
О, как они душе моей претят,
Все эти разговоры о наследстве...

Последний мост через Неву был поднят.
Атланты, руки вытянув в мольбе,
Не требуют уже – смиренно просят
Вернуть меня, отдать меня тебе.

Я не реву. Дрожащими руками
Пытаюсь как-то нить судьбы связать.
Пока блуждает где-то между львами
Та Парка, что её не хочет ткать.

Как я любила это время суток:
Ещё не ночь, но мгла уже легла
На скаты крыш. Таинственен и жуток
Момент, когда оконного стекла
Касается прохладная истома...
И так тепло, и так уютно дома!

Ах, какие муки приняла!
Если бы ты знал, как было больно...
Всё же я тебя не предала
Даже словом – вольно иль невольно.

Для чего мне это, не пойму.
Что мне дали верность и надежда?
Но стремлюсь душой лишь к одному –
К одному тебе, о, мой невежда!

Если бы ты знал... Но я молчу
И в любви признаться не желаю,
Потому что то, чего хочу
От тебя – я и сама не знаю.

Но не отрекись – пускай упьюсь
Досыта обидой и досадой –
На кресте, костре не отрекись.
Даже если отречься надо...

Памяти Анны Герман

Был слеп Эдип. Кассандра некрасива.
Всех при рожденье Бог не целовал!
Но иногда – самой себе на диво –
Природа нам дарует Идеал.

Звучит, как эхо в хоре, как осанна
Всему, что пело, двигаться могло,
Её святое имя, Герман Анна.
И, как святой, вначале ей везло.

В укор всем юным девам – не спесива,
Хоть говорят, воды не пьют с лица,
Она была действительно красива –
Вполне достойна званья образца!

Другим – уже и это не по силам...
В неё ж Господь ещё и Дар вложил:
Её устами вечность возносила
Хвалу всему и всем, кто был ей мил.

Орфей – был бы не выдуман – посмел бы
За Эвридикой этой не пойти?
Какие нынешние децибелы
Сумеют тембр воспроизвести?

Неоспоримы тайны мирозданья:
Для подражанья создан Образец.
Не для того ли нам даны желанья,
Чтоб мы их утоляли, наконец?

Приляг в траву, прикрой глаза рукой,
Смотри сквозь веки в дали небосклона.
Ты чувствуешь, как неземной покой
Тебя уносит от земного лона?

Как будто задрожала колыбель.
Взяла разбег, упруго покачнувшись,
И понеслась сквозь звёздную купель,
От суетного солнца оттолкнувшись.

Чудес и вправду больше нет на свете,
Прошли Заветов Ветхих времена!
На неусидчивой моей планете
Сижу и жду чего-то я одна...

А все куда-то поголовно мчатся –
Иль мечутся, что, в общем, всё равно.
На каруселях суеты кружатся,
Себя забыв на них давным-давно...

Опять, опять ропщу... Прости, Всевышний!
Как пел поэт, зеленоглазый мой!
Я разговор затеяла излишний,
Чуть-чуть ненужный и совсем пустой!

Пусть все куда-то поголовно мчатся.
Быть может, это и не их вина...
Непросто человеком оставаться
В такие непростые времена...

Мамушка

М.Ю. Лермонтову

Меж звёзд и пустоты она качала
Ребёнка у распахнутых окон.
И так же, как и он, она молчала,
И думала о чём-то, как и он.

Что так её заботило? Родного
Дитяти муки в выстолой избе?
Но прижимала малыша грудного
Болезненного искренно к себе.

Не пела колыбельных отчего-то,
Глазёнок тёмных взгляда сторожась,
И чуяла: огромная работа
Ведётся в них донесь и отродясь!

Бродя с мальчонкой на руках ночами,
В тот самый миг, когда он засыпал,
Вдруг увидала ясно, как крылами
Задев младенца, Ангел пролетал...

Елена Щербина

Елена Александровна Щербина родилась в 1962 году в посёлке Биликтуй. Окончила Иркутский авиационный техникум по специальности техник-технолог. Автор сборников стихов «Я – ветер и воля», «От края до края». Публиковалась в городских и областных газетах, коллективных сборниках и в журнале «Сибирь».

– Что я сделать успела? Не знаю.
Знаю то, что дарила себя:
От полей – и до самого края –
Появлялась прохладой дождя.
Птицей в небо взлетала, покуда
Небеса приглашали в полёт.
Это было великое чудо...
– Что, душа и доньне поёт?

– Да, она не стареет нисколько:
Юной быть ей судьбой суждено...
Так несись же, Всевышняя тройка!
Так гори же, Вселенной окно!

Недосказано – и не выпито.
Недолюблено – не дано.
Недостроено. Кем-то выбито
Во дворце золотом окно.
Недолеплено – не свершается.
Недопето, но слышится всем:
– Долголетие не разрешается!..
Но тогда мы пришли зачем?

Говорится – не исполняется.
Обещается – на века.
Иссякает ли, удаляется
Справедливости нашей река?
Мы изведем несвершённое,
Полной мерою всё испьём,
Только время заговорённое,
Жаль, не сможем, не перейдём.

Желанием встречи томима,
Повозку качу за двоих.
Где ходишь, незаменимый?
Уж день за окошком затих,
И ночь опускается свыше.
Горластых ворон не слышать.
По крыше, по старенькой крыше
Дожди зачастили опять.
Они куролесят, как дети.
Дымится свеча на столе...
Никто в эту ночь не приветил,
И я утонула во мгле.

Плед. Усталость одиночества.
Шарф, завязанный узлом.
Как же мне, любимый, хочется,
Чтобы ты пришел в мой дом.

Прикоснулся лёгкой бабочкой
К напоённому цветку...
Угол комнаты и тапочки,
Да вот нет сверчка к шестку.

Вечер скукою ленивою
Засиделся у окна.
Дай сегодня быть счастливою.
Стол накрыт, но я одна.

Сытость вокруг, и потеряна святость,
А ведь у Господа всё на счету...
Выпала мне превеликая радость
В буднях увидеть Земли красоту.
И, забывая про путь безотрадный,
Снова ищу по осколкам души
Смех ваш безвинный и очень приятный.
Божё, что делать сейчас, подскажи!

С вороном чёрным по синему снегу
Утром морозным уйти в небеса?
Сил набираясь, таинственным бегом
Вырваться в лес сотворять чудеса?
Там, на ветру, породниться с морозом,
Мысленно тёплый костер развести
Иль, подаваясь пустячным угрозам,
Крикнуть любимому: «Парень, прости!..»

Вечные войны и пламень пожаров
Душу мою не согреют – убьют.
И на заплаканный плац тротуаров
встанут кресты...

В беспредельность уйдут
Самые лучшие...

Снег ляжет пухом.

В окна внезапно заглянет апрель.
Жизнь пролетит, отзвучит одним духом,
Словно в лесу сумасшедшем – свирель.

Я есмь красивая, как небо.
Печальная, как сто морей.
Прошу у Господа не хлеба,
А сострадания людей!
И пусть цветёт зимою вишня,
И гости будут ко двору.
Пошли, Всевышний, благо свыше,
Дай волю чести и добру...

Лидия Юрьева

Лидия Владимировна Юрьева родилась в 1942 году в городе Ашхабаде. Окончила Тульский Государственный педагогический институт. Работала учителем, журналистом. Руководила усольским литературным объединением с 2007 по 2012 год. Автор поэтических сборников «Кипрей» и «Прозрение». Публиковалась в коллективных сборниках, областных и городских газетах, журналах «Сибирь», «Первоцвет», «Иркутский альманах». Член Союза писателей России.

Солдатам переднего края

*Военкорам Великой
Отечественной войны посвящаю*

Наверно, в яркий, громкий День Победы
Среди гвардейцев, в блеске их наград,
Он скромно выглядел, товарищ мой по делу –
Корреспондент, своей страны солдат.
Война окончилась, а служба не кончалась:
Блокнот – в планшете, «лейка» – на ремне.
И репортажи вся страна читала
Про Суд народов в гулкой тишине.
...Кому-то, может, лишним он казался,
Нескладный, близорукий военкор,
Но он ходил в атаки, не сгибался
От свиста пуль. Быть может, с этих пор
Он уважением особенным отмечен –
Газеты фронтовой испытанный боец,
И понимали все – ему не легче,
А слово бьёт не хуже, чем свинец.
И в информации любой неуловимо –
В ряду имен героев – в стороне

Стоят его фамилия и имя,
А их бы ставить надо наравне.
Егоров и Кантария. Их знают –
Тот снимок обошёл весь шар земной:
...Скелет рейхстага. Пламенное знамя,
Два знаменосца, посланных страной.
Но был и третий. Был он незаметен:
Он двух героев, торопясь, снимал,
Чтоб в этом историческом моменте
Запечатлеть навек войны финал.
Да, был обычным подвиг фотокора,
Он взял тогда, как снайпер, на прицел
Историю точнейшим, острым взором
С солдатской деловитостью в лице.
Не знаю даже – благодарность дали
Ему за это фото или нет...
Его в редакции тогда, как бога, ждали
Не свёрстанные полосы газет.
Но лучшею наградой оказалось
Для военкора, как ни говори,
Когда ему товарищи сказали:
«Удачно точку подобрал, старик!»
И я завидую по-доброму их перьям,
Их старым «лейкам», репортажам их
За то, что временем оправдано доверье,
Что «не испортили ни песню и не стих!»

Снег струится, серебрится,
С небом шепчется. О чём?
В руки просится, как птица,
И садится на плечо.
А снежинки, как пушинки,
Шаловливы и легки.
Словно пишут на тропинках
Новогодние стихи.

Прозренье

Крики птичьих орав, шёпот листьев и трав –
Слышу глас многоликой Природы.
Сколько звуков и красок в пространстве набрав,
Бескорыстно, как воздух, как воду,
Раздаёт она нам, озорным малышам,
На века, на минуты, на годы.

Да, я с детства её, словно маму, люблю.
Я душою в природу вступаю.
Я и дерева малого в ней не срублю.
Я хочу быть полынккой, живою былинкой,
Лёгкой птицей, летящей в стае.

... Тут в ладонь мне скатилась пылинка вразбег –
Я взгляделась в неё новым зреньем.
И почудилось вдруг, что она – человек,
Существо из других измерений.

Золотые, ясные берёзы,
Солнечно вы светитесь насквозь...
Хорошо, что испытать морозы
Вашей светлости не довелось.

Сколько лет я не могу смириться
С грустной покорностью берёз.
Видя их темнеющие лица,
Небеса не сдерживают слёз.

Так всегда: чего-нибудь да бойся,
Вечно в этом мире что-то жаль...
Как бы мне подольше в эту осень
Золотое с синим удержать?!

За горами, за лесами –
Чудо-озеро с гусями.
Клич их медленный и гордый,
Как серебряные горны.
Оттого-то год который,
Только я глаза закрою –
Душу этот крик гортанный,
Как клубок, за нитку тянет.
Кто-то мне вослед помашет,
На меня махнув рукой,
За окном земля запляшет –
Станет пусто и легко.
Так легко, что не вздохнётся,
Пусто так, что не всплакнётся...
Где мой тихий полустанок,
Где я вновь на землю встану?
За лесами, за горами,
За холодными утрами,
За бессонными ночами –
Начинаю всё сначала.

Акварель

В этот город стеклянный, город света и тени,
В фиолетовый сумрак уходящего дня,
Я входила неловкой, немного смятенной
И готовой весь мир этот сердцем обнять.
Я мечтала его сделать утренне-ясным,
В каплях светлых, румяных и тёплых огней,
Разводила в воде акварельные краски,
Чтоб увидеть свой мир у себя на стене.
Мокрый лист, как глазами, вбирал в себя кисти,
Растворенные воздухом, светом, водой,
Рисовались рассветы и влажно, и чисто,

И снежинки жемчужно ложились в ладонь.
...Это было легко, беззаботно, отрадно
Слышать шум на бумаге разноцветных дождей.
Но потом эта лёгкость ушла безвозвратно:
Я потом рисовала акварельных людей.
Их глаза отрешённо, как капли, блестели,
Неживыми казались в своей пустоте.
А, просохнув, они пеленою оделись.
И откуда у красок появляется тень?
Я упрямо несла слой и светлый, и свежий
На промокшие влагой сырые листы.
Но от этого тени ещё неизбежней,
Характерней меняли чужие черты
...Я забросила дело, я только смотрела
На людей, изучая в них ясность и тень.
И теперь я хочу закупить акварели,
Чтоб по-новому их отразить на листе.

Искрилось солнце в радуге восхода
И брызгами летело над землёй.
Казалось мне, я управляла хором
Всего живого – утренней зарёй.

Откуда эта песня, я не знаю:
Звенела музыка паренья голубей.
А, может, звуки те рождались сами
В пустых свирельках трав,
 тростиночке-трубе?
И волны музыки волшебные
 стекали
В дрожанье струй и в струны
 трав тугих.
И слушал пенье волн
 прибрежный камень,
И, кажется, весь мир слышал их.

Токуют глухари

Ещё весна студёна и грязна,
И далеко до полного цветенья,
Но эта сырость без конца, без дна
Наполнена неистовым смятением.

И все короче путь её в ночи,
И эту пору с осенью не спутать:
В тайге, набычьась, ходят косачи.
Как взгляд их и суров, и смутен!

А впереди, жестокие бои
За глухариное коротенькое счастье,
За будущие выводки свои,
За миг повиновения и власти.

Так в эту пору – до цветов и трав
Они весну любовью открывают.
И жаром брачных, яростных забав
Они как будто Землю согревают.

...Быть может, так прелюдия любви
Приходит к нам через тоску глухую
Из сумрачных, неведомых глубин,
Где дико глухари токуют.

Первый снег

А снег летел размашисто и смело
Снежинками величиной с ладонь,
Кружил под фонарями, ярко-белый,
Порывистый, весёлый, молодой.

И от него светлее становилось,
Спокойнее, и чище, и теплей,
Как будто веяло огромной
 доброй силой
От неба, наклонённого к земле.

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЙ АБОРНЕВ

Первый снег.	8
На покосе.	8
Предзимье.	9
Лесные сумерки.	9
Лесной поэт.	10
«Сторона валежная...».	10
Избы.	11

ЮРИЙ АКСАМЕНТОВ

«Блистал Иркутск над гладью Ангары...».	12
Поединок.	13
Конь.	14
Монолог ивы.	16
Усолье-Сибирское.	17
Четыре солнца.	18
Рябина в кедровнике.	19
В глуши сибирских плоскогорий.	20
Грех поэта.	21

ВАЛЕНТИНА АСТАПЕНКО

Кот.	22
«Белым-бело. Последний снег...».	22
На катке.	23
Телефон зазвонил среди ночи...».	23
Бои сорнякам.	24
Подснежник.	24
«Сегодня смотрины...».	24
Подарок.	25
«Весна строчит стежки не по порядку...».	25
«Ты казался таким любящим...».	26
«Разболелась донельзя душа...».	26
Поездка по Сибири.	27
«Занесёт меня мысли полёт...».	27

НИКОЛАЙ БАЖЕНОВ

Встреча с Иркутском.	28
Родной уголок.	29
«Деревня, русская деревня...».	29
«Я бесконечно повторяю имя...».	30
Моей деревне.	31
«Озябшие руки согреть нелегко...».	32
«Бабье лето кончилось давно...».	32

ГЕРМАН БОБРОВ

Глубинка.	33
В дорогу, брат, в дорогу!	33
Биликтуйка.	35
Водопой.	35
Осина.	36
Иван.	37
Клад.	38
Поджарый.	39
Городок.	39
Осень.	40

ЛИДИЯ ВОЛЫНЕЦ

Урок истории.	42
Чёрные птицы.	42
Осенний блюз.	43
То, чего нет.	43
Даже так.	44
Гармония.	44
Горизонт.	45
Тургеневское.	45
Авось.	46
Баркас.	46
Древо мира.	47
Где вы?	47
Свет и тень.	47
Светлячки.	48
Дороже.	48

АНАТОЛИЙ ГОЛУБЕВ

«Райская птица рядом, в соседнем саду...»	49
Забывтая дереня.	49
«Обогрей меня, куст рябины...»	50
«Осень и впрямь как лето...»	50
«Весело ли без меня...»	51
«Это пришла зима...»	51
«Встаю проворно и легко...»	52
«Я вернусь в этот город через тысячу лет...»	52
Музыка.	53
«Эти поля и рощи...»	53

НИКОЛАЙ ГОРБУНОВ

Курская битва.	54
Тишина.	55
В окопе	56
Утро в прифронтовом лесу	56
Морава.	58

АЛЕКСАНДР ГОРДИН

«Наличниковое детство моё!..»	59
Осенние акварели. <i>Отрывок из поэмы.</i>	60
«Струятся ветки ивы...»	61

ВЛАДИМИР ГОРЧАКОВ

Провинциальные поэты.	63
«Не посмертная маска из гипса...»	63
Пустырь.	64
«Проливной небесный плач...»	64
«Пейзажем детства давнего любуйся...»	65
«Шагая утром на работу...»	65
«Гор Бархатовских вершины слежу...»	65
Мысли в магазинной очереди.	66
«Вот – железнодорожный виадук...»	66
«Ветки клёна, как антенны...»	66

«Тишина обступила слепая...»	67
«Луч от каждой его гравюры...»	67
Старый мастер	67
Токарь Ганцев	68
Пострел	69
Выздоровление	69
Станция Луговая	70

ГАЛИНА ГОРЧАКОВА

«А мальчишке девчонка нравится...»	71
Сказ-легенда о тайтурском храме апостолов Петра и Павла	72
«Служителям Божиим славу пою...»	73
Про лягушку	73
Шарик	74

ГАЛИНА ДРОЗДОВСКАЯ

Зимняя сказка	75
Храм Покрова на Нерли	75
«Здравствуй, моя роща...»	76
Танцующие птицы	77
«Мне по нраву родная природа...»	77
«В Берлине кончилось сражение...»	78

СТАЛИЙ ЕРМОЛИН

Копалуха	79
Герань	79
Привал	80
За орехами	81
Половодье	82

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ

«Великий и сильный народ...»	83
«Плыть и плыть над ликующей бездной...»	84
«Образ времени в сердце исчез...»	84

Гончарный круг.85
Старый город86
Слова.86
«В тетрадах останется главная книга...».	.87
«Добро, что нажито с годами...».	.87
Прохожий.88
Время.88
«Над цветущей яблоней, над сливой...».	.89
В храме.90

ВИКТОР КОЛЧИН

Малая Родина.91
Ночь на Ангаре.91
Вороны.92
«В серых полях осеннюю порою...».	.92
Конь93

ИННА КОНОПЛЁВА

Танец байкальской воды94
Белый воробей.95
Отец.96
Весенний снеговик.96
Бабушка с собакой.97
Ольга.98

ЮРИЙ КОЧУРА

Память99
Скиталец.99
Странник.	100
Максималист.	100
Ромашки	101
Жизни нить.	101
До свиданья, лето	102

РУСЛАН КУЗНЕЦОВ

«Мы сидим, два кресла сдвинув...»	103
«Убаюканный бледным рассветом...»	104
«Духовной жаждою томим...»	104
«Под ногами пылится дорога...»	104
«Я не знаю, в каких краях...»	105
«Деревянные храмы скитаются...»	105
«Что-то синее промелькнуло...»	106
«Подул весенний южный ветерок...»	106
«Пристрастился к стрельбе из лука...»	107
Мел.	107
Цена.	107

ВЕРА МАМЕДОВА

«Багряный лист упал, и золотой, и красный...»	108
«От детства мне осталось много...»	108
«Украсил дождь собою лето...»	109
«Вы только подумайте: вечер...»	109
«Подсмотрела я по случаю...»	110

АНАТОЛИЙ НЕСТЕРОВ

Подранок.	111
«Душа в миру – судьбы основа...»	111
Награда.	112
О рубахах	112
«Ты посмотри, как солнце в небе светит...»	113

ИРАИДА ПОЛЯКОВА

Ниточка незримая	114
Моё Усолье.	115
Свидание с Байкалом.	116

АДАМ ПРОКОПЬЕВ

Солеград.	118
-------------------	-----

Поэту.	120
Коса на камень.	120

ГЕОРГИЙ РАЗГУЛЯЕВ

Затопили печи.	121
«Задолго до весны...».	122
Тихий дождь.	123
«Нарисуйте мне осень...».	123
«Эти листья, дерева...».	124

АЛЁНА РЕЗАНОВА

«Он живёт с опозданием на три часа...».	125
«Я ослепла. Я не вижу дальше носа...».	125
«Полюби меня стоящей на костре...».	126

АНДРЕЙ САВЕЛЬЕВ

Охота на лис.	127
Мисс Автостоп	128
Невена.	129
Фоторобот.	130

ВИКТОРИЯ САВИНА

«Я видела сегодня снегиря...».	132
Одуванчики.	132
Мальвы на усольской улице.	133
Кони.	134
Край танцующих ельцов.	135
«Как пахнет воздух травами родными!...».	135
Сакура..	136

АНДРЕЙ СЕМЁНОВ

Трилистник баукальский.	137
Виадук.	139
«В дождевой тишине...».	139

Тень дерева.	140
«Смешной весёлый мешковатый...».	140
«Мой милый друг...».	141
«Может быть и лёд...».	141

СВЕТЛАНА СИНЬКОВА

Возвращение Лаврецкого.	142
Серенада.	143
Дивный сон.	143

НИКОЛАЙ СИРОТЕНКО

«Всё – мимо...».	144
«Есть в жизни косогоры, повороты...».	145
Ледоход.	145
Свой родник.	146
В преддверии осени.	147
Весна	147
Собачий инстинкт.	148
«Хрустит от утренника мох...».	148
Весеннее.	149

ОЛЕГ СУРУСИН

Считалка	150
Восприятие.	150
Черта	151
Синица.	151
Мартовское.	152
Или-или.	152

ВЛАДИМИР ТИХОМИРОВ

Чудак.	153
«То ухаб, то буераки...».	153
«Балагур и весельчак...».	154
«В цветных тонах я представлял...».	154

«Вот сюжетик для гравюры...»	155
«Под диском солнца распятого...»	155

ЕВГЕНИЙ ТИХОНОВ

Эшелоны	156
У репродуктора	156
«Ещё вчера мы грязь месили...»	157
Обелиск.	157
Встреча.	158
В День Победы	159
Еланская лирическая.	160
Зимнее	161
9 Мая 1945 года	161

ВАЛЕРИЙ ТУРОВЕЦ

«Со страхом, с верой потаённой...».	162
«Постучи в моё окно...».	163
«Назову тебя лебёдушкой, а ты...».	163
«Что подарить вам в этот день...».	164
Песня мартовской кошки.	164
«Помолись за меня, помолись...».	165
«Женщина-осень, не в возрасте вовсе...».	165
«Что наша жизнь? Сплошной кредит...».	166
«Вы не слыхали, как шепчут кулисы...».	167
Заблудился в любви...».	167

ЛЮДМИЛА ФЕЧ

Первый иней.	169
«Спустился вечер в чуть продрогший город...».	169
Отчий дом.	170
Июль.	170
Плачет осень.	171
А я лечу...	171
Зимняя ласка.	172

ОЛЬГА ЧУЙКИНА

Осень виновата.	173
Мой город.	173
Весна.	174
Веточка вербы	174
«Жизнь моя кружится каруселью...».	175
Ночь.	175

МАРИНА ШАМСУТДИНОВА

Евразийка.	176
Русак.	177
«Как беда нахлынет...».	177
Сонет.	178
«Верните женщину в Любовь...».	179
Я стою под камнепадом.	179
В защиту таёжного леса.	180
«Хочешь, я стану твоей Украиной, а ты – Россией...».	181
Картинка из будущего.	182
Сибирь	183
А пока апокалипсис.	183

СВЕТЛАНА ШЕГЕБАЕВА (ПЯТКИНА)

«Загляни в моё окно...».	184
«Вот мой портрет...».	185
«Теряем мы не просто матерей...».	185
«Последний мост через Неву был поднят...».	185
«Как я любила это время суток...».	186
«Ах, какие муки приняла!..».	186
«Был слеп Эдип. Кассандра некрасива...».	187
«Приляг в траву, прикрой глаза рукой...».	188
«Чудес и вправду больше нет на свете...».	188
Мамушка.	189

ЕЛЕНА ЩЕРБИНА

«Что я сделать успела? Не знаю...».	190
---	-----

«Недосказано – и не выпито...»	190
«Желанием встречи томима...»	191
«Плед. Усталость одиночества...»	191
«Сытость вокруг, и потеряна святость...»	192
«Я емь красивая, как небо...»	193

ЛИДИЯ ЮРЬЕВА

«Наверно, в яркий, громкий День Победы...»	194
«Снег струится, серебрится...»	195
Прозренья	196
«Золотые, ясные берёзы...»	196
«За горами, за лесами...»	197
Акварель	197
«Искрилось солнце в радуге восхода...»	198
Токуют глухари	199
Первый снег	199

Литераторы благодарят
за помощь в издании книги
Ольгу Михайловну Бикулову и
Сергея Султановича Батукаева

АНТОЛОГИЯ УСОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Автор проекта и составитель *Л.Н. Волынец*

Редактор *В.О. Горчаков*

Художественный совет:

В.В. Астапенко

Г.А. Дроздовская

И.В. Коноплёва

С.В. Шегебаева

Л.В. Юрьева

Корректор *В.В. Астапенко*

Фотографии на обложке *Л.Н. Волынец*

Вёрстка – *Л.Г. Белякова*

Подписано в печать 24.02.2015 г. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. 12.3

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Типография «Оттиск»
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28, т. 34-32-34